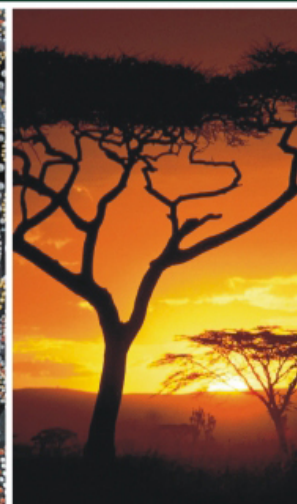
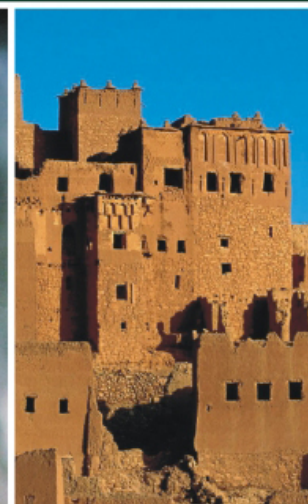

КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- лингвистика
- история
- антропология
- философия
- психология
- конфликтология
- религиоведение
- культурология
- искусствоведение
- глобализация
- культурогенез

Коллектив авторов

**Концепции современного
востоковедения**

«КАРО»

УДК 009:80:91:93/99
ББК 63.3(0)31:66.1(5)

Коллектив авторов

Концепции современного востоковедения / Коллектив авторов —
«КАРО»,

ISBN 978-5-9925-0864-2

В предлагаемой вниманию читателя книге коллектив авторов исследует обширный круг проблем, важных для современного востоковедения. Книга предназначена в первую очередь для студентов, которые обучаются в магистратуре по программе «Востоковедение, африканистика». Авторы надеются, что книга вызовет интерес и у более широкой аудитории. In this book, a team of authors discuss a wide range of themes relating to Asian and African studies. The book is intended mostly for those who pursue their graduate studies after having completed a university B. A. course in Asian and African Studies. The authors hope that the book may be of interest also for a wider readership.

УДК 009:80:91:93/99

ББК 63.3(0)31:66.1(5)

ISBN 978-5-9925-0864-2

© Коллектив авторов

© КАРО

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Часть I	10
Общие проблемы: востоковедение в круге других наук	10
Восточная филология. Источниковедение, сравнительно- историческое и типологическое языкознание	25
Востоковедение и лингвистика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Концепции современного востоковедения

Предисловие

Эту книгу готовили двадцать шесть авторов и редактировали два ответственных редактора: проф. Е. И. Зеленев и проф. В. Б. Касевич. В настоящем предисловии ответственные редакторы хотят поделиться с читателями своими соображениями по поводу того, какой они видят главную задачу книги, а также дать основные сведения о ее структуре, роли отдельных глав и разделов.

Проф. В. Б. Касевич

Востокведение как сфера гуманитарного научного знания приобретает на наших глазах все большую актуальность. И это объяснимо. Можно сказать, что приобретение востоковедением его нового статуса во многом синхронизировано с появлением и развитием в мире глобальных противоречий, когда системная нестабильность становится едва ли не определяющей характеристикой нашего существования¹. Политики, социологи, экономисты и другие специалисты в связи с этим начинают все больше осознавать, что значительная часть вызовов современного мира имеет свои корни в обостряющихся отношениях между «разными мирами», такими, как мир ислама, мир (назовем это так) либеральных ценностей и др. Эти трения существовали между «разными мирами» столько, сколько существуют эти последние, но современные информационные и иные технологии превратили их из локальных в глобальные, обострив до предела и объединив с экономическими, экологическими и другими мегапроблемами нашего времени.

Востокведение в свете сказанного выше оказывается концептуальным контекстом, наиболее адекватным для исследования вопросов, терзающих современный мир. В силу своей профессиональной подготовки и научного (не только сугубо научного) опыта востоковед принципиально бикультура-лен (или даже поликультурален): он является носителем той культуры, в лоне которой воспитан, и одновременно той культуры, которой пропитан в силу вживания в иную картину мира, необходимость которого (вживания) вызвана профессиональными задачами.

На востоковеда ложится тем самым громадная ответственность: быть переводчиком не только в узком, но и в широком смысле – переводчиком с одного языка культуры на другой в диалоге разных культур, для чего, в свою очередь, требуется глубокое проникновение в жизнь *по разные стороны границ*, разделяющих современный мир.

Востокведение наших дней значительно усложнилось по сравнению с его еще недавним состоянием. Классическое востоковедение включало в себя две основные отрасли: востоковедные «изводы» филологии (лингвистики и литературоведения) и истории. Сегодня, когда востоковеду приходится работать с такими понятиями, как «исламская экономика», «конфуцианская картина мира», «буддийская этика» и целым рядом других, классические подходы оказываются недостаточными. Привычный востоковедческий исследовательский инструментарий пополняется новыми подходами, заимствованными из смежных наук и адаптирован-

¹ С. П. Капица, характеризуя современную эпоху, указывал на «фазовый переход человечества в новое состояние». За всю свою историю сообщество землян «никогда не переживало такой глубокой перестройки системы, что делает наше время столь уникальным» (Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М., 2010. С. 23).

ными востоковедением. Появляется непростая структура концептов, которые наращиваются на классический фундамент.

Профессор Е. И. Зеленов предлагает описывать эту сложную структуру с помощью понятия «надотраслевая наука», каковой является востоковедение.

Проф. Е. И. Зеленов

В международной статистической практике классификация наук имеет иерархическую структуру: первый, или высший, уровень – области науки, их шесть – естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, общественные, гуманитарные; второй уровень – отрасли науки, их десятки; третий уровень – научные специальности, которые исчисляются уже сотнями.

Отдельные отрасли науки (к которым востоковедение никогда в полной мере не принадлежало, сохраняя себя как междисциплинарную область знания), выполняя свою историческую новаторскую миссию и постигая невиданные прежде глубины жизни Природы и ее неотъемлемой части – Человека, ныне демонстрируют некоторую пассивность. Перед лицом осознаваемых глобальных опасностей они далеко не всегда готовы идти в направлении междисциплинарной солидарности, требующей не только известной духовной самоотверженности, но и серьезных усилий, связанных с реконструкцией всего существующего комплекса научного знания. В складывающихся обстоятельствах на востоковедение обращают взгляд как на науку нового поколения, имеющую базовые признаки надотраслевого научного знания, призванного обобщить и стабилизировать представления человека о самом себе и о мире в целом.

Отметим, что гуманитарные и общественные науки как области научного знания не представляют собой надотраслевой научный уровень, а являются обобщающими названиями вполне самостоятельных научных отраслей, ни в малейшей степени не претендуя на роль их координаторов. Надотраслевой принцип научного мышления вообще свойственен очень немногим областям знания. Например, надотраслевой уровень присущ такой области фундаментальной и прикладной науки и техники, как нанотехнологии. В мире нет стандарта, описывающего, что такое нанотехнологии, а в Европейской комиссии работает специальная группа, перед которой поставлена задача в двухлетний период определить критерии того, что следует считать нанопродукцией.

Эта коллизия напоминает ситуацию с востоковедением, научный продукт которого также порой трудно отнести к какой-либо одной определенной области или отрасли знаний. Из этого вытекает важная задача современного востоковедения – обрести надотраслевую научную парадигмальность, сохраняя собственную обособленность и впитывая в себя методики и понятийный аппарат десятков других наук. Эту задачу в значительной степени имели перед собой авторы труда, предлагаемого вниманию читателей. Разумеется, мы можем пока говорить скорее об обозначении вектора движения, а не о готовых разработках в обрисованной области.

* * *

По своему жанру предлагаемый читательскому вниманию труд – комплексное научное исследование и одновременно курс лекций. Книга концептуально продолжает вышедшую в свет в 2011 г. коллективную монографию «Введение в востоковедение: Общий курс», которая была адресована востоковедам, обучающимся в бакалавриате по направлению «Востоковедение, африканистика».

«Концепции современного востоковедения» как комплексное научное исследование адресовано тем, кто уже имеет диплом бакалавра-востоковеда и продолжает свое образование в магистратуре востоковедного профиля. Это, разумеется, не исключает его использование представителями невостоковедных областей научного знания, которым востоковеды с благо-

дарностью возвращают долг в форме исследований, полученных в результате междисциплинарного научного синтеза.

Право именовать предлагаемый труд комплексным научным исследованием дает его структура, в которой выделяются две части.

Первая часть «Общие вопросы классического востоковедения» уникальна своей основной идеей, которая состоит в том, чтобы найти точки соприкосновения и взаимодействия со смежными научными дисциплинами, как бы не замечая при этом дисциплинарных границ (которые на самом деле, конечно же, существуют). В этом разделе книги царствуют мультидисциплинарность и трансдисциплинарность, открывающие практически ничем не ограниченный простор для научного поиска.

Вторая часть «Концепции и методы современного востоковедения» имеет ярко выраженную инновационную направленность, поскольку важнейшая особенность всех без исключения представленных в ней материалов – обращенность в будущее, содержащийся в них прогностический или потенциально перспективный для развития науки смысл. Этот раздел посвящен тому, как востоковедение эволюционирует, порождая практически независимые отрасли научного знания, такие, например, как африканистика, которая по праву стоит рядом с востоковедением в официальной номенклатуре названий научных дисциплин. Далее следуют материалы, которые показывают, как востоковедение создает современные исследовательские методики, совершенствует методы преподавания, применяется в экономике, политической практике, правоведении, вообще в многообразных видах деятельности, связанной с межкультурными коммуникациями.

Монография, как уже отмечалось выше, написана коллективом авторов. Знаменательно, что среди авторов – не только сотрудники Восточного факультета СПбГУ, но также ученые из Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Института стран Азии и Африки МГУ, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Продолжая традицию, заложенную в коллективном труде «Введение в востоковедение: Общий курс», ответственные редакторы не стремились добиться унификации идей, концепций, стилей изложения, присущих разным авторам. Напротив, видя в многообразии идей достоинство, редакторы предоставили авторам максимальную свободу самовыражения, а у студента (читателя) появилась счастливая возможность сравнить, оценить и, может быть, выбрать из многих одну, близкую именно ему авторскую позицию.

Авторский коллектив выражает благодарность всем коллегам-востоковедам и представителям других областей современного научного знания, кто своими предложениями и замечаниями способствовали созданию и совершенствованию этой книги.

Исследование поддерживалось за счет федерального бюджета в рамках проведения фундаментальных научных исследований в области знаний, обеспечивавших подготовку кадров в СПбГУ: Мероприятие 2, шифр: 2.38.54.2011.

Е. И. Зеленев, В. Б. Касевич

Введение

Среди большого количества новых публикаций отечественных востоковедов представляемый труд, подготовленный коллегами из Санкт-Петербургского университета, заслуживает особого внимания. Прежде всего отметим, что составители и научные редакторы книги не ограничились учеными кадрами Северной столицы России (Восточный факультет СПбГУ и Институт восточных рукописей РАН) и привлекли целый ряд ведущих ученых и преподавателей московских вузов. Другое важное обстоятельство состоит в том, что эта книга дает не только возможность получить достаточно полное представление о направленности и методике их работ, но и позволяет продолжить наши общие раздумья относительно прошлого и будущего ориенталистики.

Интерес к Востоку, родившийся в ходе долгой богословской полемики приверженцев христианства и ислама, был усилен в XVI в., с одной стороны, страхами европейских обывателей перед грядущим нашествием «богомерзких агарян», а с другой – предприимчивостью, свойственной первым поколениям людей Нового времени, которые были готовы ради мифических богатств Востока отправиться в дальние океанские плавания. В конечном счете сложилась благоприятная среда для появления первых изысканий, посвященных восточному миру. Вполне понятно, что такие работы имели сугубо филологическую направленность, поскольку предполагали изучение арабского, турецкого, китайского и других ориентальных языков. Знакомство с ними позволило в дальнейшем европейским ученым XVI-XVII вв. познакомиться с письменными памятниками восточных народов, получить некоторое представление об их истории и культуре.

С развитием торговых и политических контактов с различными странами Азии, а потом и Африки объем знаний о них у европейцев эпохи Просвещения существенно возрос, что способствовало появлению первых попыток систематизации полученных сведений и осмысления на их основе роли и места Востока в развитии человечества. В силу историко-культурной направленности подобных исканий они были обращены к прошлому и вполне естественно выделяли традиционализм в качестве фундамента формирования культурной, социальной и иной специфики Востока как особого культурно-исторического ареала. Тем самым Восток в глазах просвещенных европейцев проигрывал Западу, который в Новое время выступал в виде центра политических, экономических и интеллектуальных перемен, новых интересов и устремлений. Подобные «европоцентристские предрассудки», о которых с такой горячностью и в столь пессимистической тональности говорил Эдвард Саид, должны были в конечном счете определить и проколониальную направленность академической ориенталистики XIX – начала XX в. Не только востоковеды-практики, но и серьезные университетские ученые воспринимали колониальную политику своих правительств как «бремя белого человека», как обязанность помочь отсталым обществам Востока выйти на прямую и ясную дорогу прогресса. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным в том числе и на страницах этой книги, о том, что с начала XX в. ведущие акторы колониального передела Востока – Великобритания, Франция, Германия, Италия – утверждают в качестве главных европейских центров ориенталистики.

Что отличает современное востоковедение? Отвечая на этот вопрос, авторы книги убедительно показывают, что изменился прежде всего ракурс научных исследований, в центре которых теперь находятся процессы, происходящие в современных восточных обществах. Подобный сдвиг от прошлого к настоящему стал возможным благодаря приобщению к изучению указанных явлений широкого круга ученых самых разных специальностей. Среди них оказались не только представители традиционных гуманитарных дисциплин (историки, литературоведы, языковеды, философы), но и экономисты, правоведы, социологи, политологи, психологи, искусствоведы, специалисты по международным отношениям. Иными словами, востоковедение

ние, а вслед за ним и африканистика превратились в междисциплинарные области знания, что позволяет не только глубже понять восточную и африканскую действительность, но и дать ей принципиально иную оценку. Думается, что подобная констатация вполне соответствует ситуации в научном мире, где наиболее важные открытия сегодня происходят на стыке разных направлений исследований фундаментальной и прикладной науки и техники. Более того, авторы книги уверены, что современное востоковедение также в состоянии обрести «надотраслевой» научный уровень и претендовать на статус фундаментальной гуманитарной науки или, по крайней мере, координатора тех научных отраслей, которые в какой-то степени связаны с изучением азиатско-африканского мира.

Вторая часть книги, посвященная обзору концепций и методов научного исследования в востоковедении, должна показать читателям, в какой степени оправданны высказанные прогнозы. От себя замечу, что личный опыт общения с представителями фундаментальных гуманитарных дисциплин пока не убедил меня в том, что последние готовы признать за востоковедением (а равно и за африканистикой) как за наукой нового поколения лидирующую роль в обобщении и обновлении представлений человека о самом себе и о мире в целом.

Говоря о второй части книги, хочу заметить, что она распадается на два раздела. В первом внимание сосредоточено на тех концепциях, которые должны бы повысить роль современного востоковедения. Авторы, несомненно, правы, когда говорят об ограниченных возможностях цивилизационной или миросистемной парадигмы, предлагая дополнить их методикой регионально-цивилизационных исследований и постулатами о межцивилизационном и межкультурном взаимодействии, которые больше отвечают пониманию тех перемен, что происходят в азиатско-африканском мире. Потенциально перспективными с научной точки зрения выглядят геополитические и геокультурные подходы к осмыслению роли современных восточных обществ.

В другом разделе сосредоточены работы, написанные в традициях классического востоковедения и обращенные к прошлому Востока, но оно рассматривается под углом новых концептуальных взглядов, нового инструментария, заимствованного из других наук и адаптированного к восточным реалиям.

Как бы ни были интересны материалы второй части книги, они все же показывают, что нынешнее концептуальное осмысление востоковедением перемен в странах Азии и Африки и в мире в целом еще отстает от понимания сложных проблем, которые ставит перед учеными новое столетие. Значит, те, к кому обращена настоящая книга, и те, кто еще «учится на волшебника», должны вслед за нами работать над поиском более адекватного осмысления пути развития востоковедения.

Это непростая задача. Сам Восток не только пространственно и демографически велик, но и очень неоднороден. Отсюда и трудности для прогнозов. Ведь в нем сохраняются реликты отдаленного прошлого, существует большая группа стран догоняющего развития и есть такие государства, которые определяют меняющееся лицо человеческой цивилизации. Не очень ясно, что может объединять столь разные сегменты восточного мира. Однако ясно, что прежняя характеристика Востока как части человечества, где господствует традиционализм, сегодня не работает. Потенциал развития современного азиатско-африканского мира ничуть не меньше, чем у ведущих держав Запада.

М. С. Мейер

Часть I

Общие вопросы классического востоковедения

Общие проблемы: востоковедение в круге других наук

Кажется целесообразным еще раз² обратиться к месту востоковедения в ряду других фундаментальных наук. Авторы данного труда исходят из того, что востоковедение представляет собой комплексную междисциплинарную гуманитарную науку – амальгаму целого ряда подходов: филологического, исторического, антропологического и др. Это именно амальгама, сплав, а не конгломерат **разных** наук, объединенных объектом анализа – Востоком.

Чтобы более четко представлять себе специфику востоковедения, полезно рассмотреть по отдельности составляющие сформулированной выше характеристики: *междисциплинарная гуманитарная наука*. Поскольку такими составляющими выступают научность, гуманитарность и междисциплинарность, ниже мы рассмотрим следующие три темы: что такое наука, что такое гуманитарная наука и что такое междисциплинарная наука.

О НАУКЕ

Что такое *наука*, как таковая? Не претендуя по понятным причинам на полномасштабный ответ на этот вопрос, ограничимся почти тривиальным утверждением: наука предполагает построение эксплицитной модели объекта (точнее – предмета) исследования. Поскольку моделирование – активный процесс, исследователь не просто отражает существующий независимо от него объект, а в определенной степени *конструирует* этот последний. Вне зависимости от соотношения объективных и субъективных аспектов, *научная истина*, воплощенная в модели, есть продукт человеческой деятельности, и с этой точки зрения любая наука предполагает присутствие «человеческого фактора» (при всей семантической размытости этого словосочетания, оно, кажется, прочно вошло в обиход). Можно утверждать тем самым, что любая наука является в какой-то степени – и в каком-то смысле – гуманитарной.

В плане методологическом точные и естественнонаучные дисциплины нормально исходят из принципа *редукционизма*: в основе любой теории (теория здесь рассматривается как разновидность модели) лежит по возможности жестко очерченное множество аксиом, постулатов, которые не подлежат доказательству. Все прочие утверждения в рамках соответствующей теории суть положения, логически выводимые из аксиом (постулатов), т. е. сводимые к последним³.

Поскольку аксиомы (постулаты) не подлежат доказательству, принятие либо непринятие таковых есть или *акт веры*, или же просто произвольное полагание исходных позиций, которые оправдываются некоторым осмысленным результатом. При реализации первого из указанных случаев мы видим сближение точных/естественных наук уже не только с гуманитарными науками (ср. ниже), но, более того, с вненаучной областью, прежде всего со сферой религиозного опыта и осмысления мира. Об этом прямо говорил такой мыслитель, как Альберт Швейцер:

² См. предварительное рассмотрение этого вопроса в учебнике «Введение в востоковедение» (Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2008).

³ Мы отвлекаемся от того известного, по крайней мере, со времен Геделя обстоятельства, что *полная* аксиоматизация (=полная формализация) для сколько-нибудь богатой научной теории вообще невозможна.

«Все мы должны идти в познании до тех пор, пока оно не перейдет в переживание мира. Все мы должны через мышление стать религиозными»⁴.

Эта формальная (методологическая) близость науки и религии, возможно, наиболее наглядна на материале мусульманской традиции. В исламе существует понятие *иснад*: все утверждения, относящиеся к пророку Мухаммаду (они обычно содержатся в *хадисах* – рассказах о пророке), должны опираться на предшествующие свидетельства, вплоть до наблюдений непосредственных очевидцев тех событий, о которых повествуется в данном хадисе. В результате получаем цепочку последовательно выводимых одного из другого утверждений вплоть до тех, которые в принципе не подлежат ни сомнению, ни доказательству, поскольку относятся к фиксации непосредственно воспринимаемых событий, причем источник знания является абсолютным авторитетом⁵. Тем самым осуществляется редукция знания до первичных протокольных высказываний, если переводить эту традицию на язык логического позитивизма⁶. Некоторым аналогом может служить принцип *ipse dixit* ‘сам сказал’, восходящий к античной традиции и позднее заимствованный христианскими теологами.

Представленные выше утверждения в полной мере имеют силу для дедуктивных наук – логики и математики. Индуктивные, эмпирические науки, которых абсолютное большинство, не могут обойтись без данных эмпирического материала, не могут свести всю науку к верности исходным аксиомам и непротиворечивости выводного знания. Научные положения относительно эмпирических данных носят существенно другую, внелогическую природу, нежели положения дедуктивных наук. Здесь истинность научных положений традиционно определяется по степени их соответствия эмпирическим фактам – тому, что «на деле», как говорил еще Аристотель.

Иначе говоря, исследователь выдвигает некоторую *гипотезу*, например: при соединении определенных веществ должно иметь место скачкообразное повышение температуры до чрезвычайно высокого уровня, что ведет к самовозгоранию. В простейшем случае гипотезу нетрудно проверить, осуществив искомое соединение. Если гипотеза подтверждается, т. е. в соответствующих условиях исследователь наблюдает скачкообразное повышение температуры и воспламенение, то можно признать данную гипотезу научной теорией (разумеется, необходимо рассмотреть также химизм взаимодействия веществ, объяснив, какие именно механизмы стоят за наблюдаемыми процессами, и т. д.).

Сложность, однако, в следующем: во-первых, как считают многие методологи, некорректно напрямую сопоставлять гипотезу, носящую характер абстрактного утверждения, с эмпирическими свидетельствами, т. е. совершенно разные по своему логическому статусу сферы; во-вторых (и это, повидимому, самое важное), логически невозможно доказать, что (в рамках указанного выше случая) *всякий раз*, когда имеет место соединение данных веществ, получается предсказанный результат. Пример: когда принц Сиддхартха, будущий Будда, покинул дворец и углубился в лес, чтобы стать отшельником, он отсек мечом пышно уложенный пук волос, составлявший его прическу, и подбросил его вверх со словами: «Если этот пук волос не упадет на землю, я стану Буддой!» *И пук волос не упал*. Разумеется, легко сказать, что это легенда, что этого не было и быть не могло, но *логически доказать* невозможность такого события никак нельзя.

⁴ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 89.

⁵ Ср.: «Согласно архаичной когнитивной установке, репрезентирующей абсолютное доверие к показаниям органов чувств, познать или знать что-либо означало быть очевидцем, иметь непосредственный сенсорный контакт с познаваемым объектом или событием» (Меркулов И. П. Эпистемология. СПб., 2006. С. 69).

⁶ Оставляем в стороне существенную разницу между аксиомами и протокольными высказываниями: сейчас для нас важно лишь принципиальное безразличие к верификации обоих типов утверждений. Равным образом не рассматриваем различие между связью утверждений «по факту» и логической связью (выводимостью).

Еще один пример. Образцом строго дедуктивного, внеэмпирического подхода считается аристотелевская силлогистика. Обратимся, однако, к модусу BARBARA с его известной иллюстрацией: «Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен». В данном образцово дедуктивном рассуждении так называемая большая посылка («Все люди смертны») по сути дела основана на полной индукции: мы должны обладать достоверным эмпирическим знанием **обо всех людях**, в том числе и о не живших (еще не родившихся). Это очевидным образом невозможно – и, следовательно, в действительности модус BARBARA лишь отчасти носит дедуктивный характер, в известной мере он основан на здравом смысле, практическом опыте и т. п., что имеет совсем иную внелогическую природу.

Эту последнюю трудность попытался преодолеть *пробабилизм*, с позиций которого в начале XX в. выступила группа кембриджских философов. Согласно представленной концепции, «хотя научные теории равно необоснованны, они все же обладают разными степенями вероятности <...> по отношению к имеющемуся эмпирическому подтверждению»⁷. Однако подлинным и универсальным решением пробабилистский подход признать трудно. В частности, применительно к вышеприведенному примеру с аристотелевским силлогизмом есть основания утверждать, конечно, что вероятность истинности высказывания «Все люди смертны» неограниченно стремится к единице, но это мало что меняет с логической точки зрения.

Если обобщить подходы к определению науки и научной истины, предлагаемые современными философами науки, методологами (такими, как К. Поппер, И. Лакатос и др.), то общая картина будет выглядеть следующим образом⁸. Классическая наука основывалась на *верификационизме*: она требовала доказательного и однозначного обоснования для научно-теоретических положений, отвергая все, что такого обоснования лишено. Когда развитие науки (особенно связанное с появлением квантовой механики и других разделов современной физики) показало, что для определенных ситуаций объективно невозможен однозначный ответ, например о точных координатах элементарных частиц (а сам этот вопрос, по сути, лишен смысла), требования были смягчены для научных теорий в целом: было признано допустимым вместо двоичного ответа на вопрос об истинности/ложности теории, научного положения («данная теория либо истинна, либо ложна, и третьего не дано») отвечать: «Данная теория истинна с вероятностью *P*».

Следующим шагом был отход от верификационизма и замена его *фаллибилизмом* (*фальсификационизмом*)⁹. Эта радикальная замена состояла в том, что если верификационизм ищет способы *доказательства* (научных) положений (из конкурирующих теорий и частных утверждений) предпочтение отдается тем, что обладают наиболее весомыми доказательствами), то фаллибилизм исходит из возможности *опровержения* (фальсификации): избираются те положения, которые наилучшим образом сопротивляются дисквалификации. Иначе говоря, научные положения, удерживающиеся в науке в качестве истинных, являются при таком подходе не **доказанными**, а **не опровергнутыми**. Утверждения, для которых условия фальсификации установить невозможно, вообще выводятся за рамки науки (не всегда делаемая оговорка должна исключать аксиомы из сферы действия этого принципа). Можно сказать, что обе традиции – верификационизм и фальсификационизм – восходят к Готфриду Вильгельму Лейбницу (1646–1716), который говорил и о предпочтительности теории, соответствующей наиболее широкому кругу данных, и о постоянном поиске как доказательств, так и опровержений.

Наконец, в некотором смысле синтетический подход, во многом возвращающий нас к позиции Лейбница, состоит в том, что при признании важнейшей роли (эмпирических) контрсвидетельств, позволяющих дисквалифицировать (фальсифицировать) данную теорию,

⁷ Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 15.

⁸ Ср.: Лакатос И. Указ. соч. С. 58.

⁹ В некоторых работах понятия фаллибилизма и фальсификационизма различаются, что здесь не обсуждается.

подчеркивается важнейшая роль «предсказывательной силы» научной теории: необходимо, «чтобы на вещи смотрели с различных точек зрения, чтобы выдвигались теории, предвосхищающие новые факты, и отбрасывались теории, вытесняемые другими, более сильными»¹⁰. У ряда авторов близкий к этому подход именуется «гипотетическим реализмом»¹¹.

Что поучительного для себя может извлечь из общеметодологических положений востоковед, стремящийся к тому, чтобы его «продукция» удовлетворяла критериям научного знания?

Прежде всего, стоит отметить, что, как и в других, преимущественно эмпирических науках, в востоковедении часть утверждений – это не интерпретация данных (и тем самым превращение их в факты), а передача фактов, как таковых. Например, если достоверно установлено, что пророк Мухаммад бежал из Мекки в Медину в 622 г., то это истина факта, а не мнения.

Но востоковедение, конечно, не сводится к перечню фактов. Вспомним определение востоковедения, предложенное в статье «Востоковедение как наука»¹² и воспроизведенное во «Введении в востоковедение»¹³: «Востоковедение – это наука о духовной и материальной культуре традиционалистских сообществ в синхронии и диахронии с опорой на свидетельства языка и текста». В свете данного определения обратимся к концепциям тех авторов, которые по-своему трактуют соотношение Востока и Запада и, прежде всего, отношения, связанные с историческим временем. Так, А. Ю. Ашкеров в главе своей монографии «Социальная антропология», озаглавленной «Коллизия “Восток—Запад” в социально-антропологической интерпретации», пишет о тенденциозности восприятия Востока на Западе. «В глазах западных “наблюдателей”, – говорит автор, – восточные страны вечно обретаются в прошлом. <...> само выражение “первобытные народы” превращает познание качественных различий в хроноскопию: западный ученый (прежде всего, конечно, этнолог в его традиционном понимании) видит в “дикарях” своих “первобытных предков”»¹⁴. Оставим в стороне то бесспорное обстоятельство, что этнолог, пользующийся термином «первобытные народы», вовсе не обязательно прилагает его к народам восточным – в равной мере этот термин относят к европейским (т. е. западным) предкам европейцев современных. Существенно другое. В согласии с заявленным принципом об особой важности для востоковеда языковых свидетельств обратимся к этим последним. Нужно проанализировать, действительно ли есть значимые параллели между современными восточными языками и «предками» современных западных языков. Если такие параллели имеются, то, во-первых, сама гипотеза о корреляции между языковыми и социокультурными параметрами может считаться (по крайней мере частично, «локально») подтвержденной¹⁵, а во-вторых, будут подкреплены (либо, наоборот, поставлены под сомнение) утверждения о сходстве между современными восточными культурами и архаическими западными.

В качестве примера можно использовать морфосинтаксическую типологию языков, тем более что эта типология имеет связь с семантикой и типами ментальности. В ряде работ морфосинтаксическая типология включает особый класс *активных* языков (наряду с более традиционными номинативными/аккузативными и эргативными). В активных языках все имена делятся на два класса – активных и инактивных (стативных). Только активные имена могут выступать с переходными (активными) глаголами, обладая при этом семантической ролью Агенса и будучи морфологически маркированными; инактивные имена могут выполнять семан-

¹⁰ Лакатос И. Указ. соч. С. 58.

¹¹ Ср.: Меркулов И. П. Указ. соч.

¹² Касевич В. Б. Востоковедение как наука // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2: История. Языкознание. Литература. СПб., 2001. Вып. 3 (№ 18).

¹³ Введение в востоковедение / Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011.

¹⁴ Ашкеров А. Ю. Социальная антропология. М., 2005. С. 441, 446.

¹⁵ Ср.: Касевич В. Б. Типология языков и типология культур // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.

тическую роль Пациенс и выступают немаркированными морфологически. Указанный тип засвидетельствован в современных языках, которые есть все основания относить к восточным, – индейские языки на-дене и ряд других. *Тот же тип* находят в реконструированном праиндоевропейском языке – предке современных романских, германских и многих других языков; пережиточно следы активного строя обнаруживаются в латинском¹⁶.

Иными словами, в данном конкретном случае *действительно* можно видеть корреляцию языковых и этнопсихологических (культурно-антропологических) характеристик, причем то, что свойственно современности восточных языков, *действительно* оказывается историей для западных. Никакой тенденциозности здесь нет – это фиксирование некоторых реальных соотношений. Как трактовать данные соотношения, как их объяснять – отдельный вопрос, и ответы на него могут, конечно, оказаться несовпадающими у разных авторов.

На этом примере мы можем видеть, что в востоковедении используются те же критерии научности знания, что и в любой науке, причем одновременно мы видим комплексный характер востоковедной науки, когда этнокультурные и исторические проблемы изучаются и решаются в комплексе при важнейшей роли языковых свидетельств.

О ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Выше речь шла о том, что *объединяет* точные/естественнонаучные и гуманитарные дисциплины. Теперь обратимся к тому, что их, предположительно, *разъединяет*.

Нередко вспоминаются слова Мишеля Фуко о гуманитарных науках, что их выводы оставляют «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности», видя в этом (хотя, конечно, не только) отличие гуманитарных наук от наук естественных. Попробуем выяснить истоки и основания такого рода представлений о гуманитарных науках. Для большей ясности разделим вопрос о специфичности гуманитарных наук на подвопросы, каждому из которых ниже посвящен небольшой подраздел.

Специфичность субъектно-объектного взаимодействия в гуманитарных науках

Если исходить из традиционного противопоставления субъекта и объекта познания, то для естественнонаучных дисциплин субъект и объект различны: человек (исследователь), выступая в роли субъекта познания, изучает природу, которая в этом отношении фигурирует как объект познания. Для гуманитарных же наук субъект и объект познания совпадают: человек изучает человека (или то, что человеком создано, например ту же науку).

Обычно считается, что система (а человек, тем более общество, человечество – система) не может эффективно реформировать себя изнутри. Но таким же образом и познать самого себя изнутри – тоже задача, вполне возможно не имеющая полного решения. Согласно знаменитой теореме Курта Геделя, для полного формального описания системы нужно выйти за ее пределы и обратиться к системе другой, более высокого уровня, выступающей своего рода средой для данной (именно так лингвист-фонолог обращается к морфологии, чтобы выбрать теоретическую трактовку из некоторого набора противоречащих друг другу фонологических решений). Но в сфере гуманитарных наук человеческое общество, человечество – система максимально высокого уровня; внешней по отношению к ней системы в том же ряду просто нет. Иначе говоря, опять-таки мы приходим к тому, что, вероятно, при познании человеком человека и человечества существует некий неустранимый «остаток».

Есть здесь и еще один важный аспект, который, вероятно, относится в большей степени не к собственно гуманитарным, а к социально-экономическим дисциплинам. Как уже отмечалось выше, взаимодействие ученого-исследователя и его объекта носит однонаправленный характер в случае физики, химии и других естественных наук: природа не отвечает каким-либо

¹⁶ Bichakjian B. H. Language in a Darwinian perspective. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles, New York; Oxford; Wien, 2002.

действием на деятельность исследователя. Иное дело в ситуации, когда объектом исследования выступают человек или общество. Простой пример: специалист-экономист, изучая текущую экономическую ситуацию, пришел к выводу о неизбежности в ближайшее время всплеска инфляции. Его выкладки попали в средства массовой информации и повлияли на поведение массового потребителя, приведя к ажиотажному спросу на рынке товаров и услуг. В результате виток инфляции обнаружился раньше предсказанного и имел более глобальные масштабы.

Такого рода явления Дж. Сорос называет «интерактивностью» и «рефлексивностью». Сорос считает даже, что эти – вполне типичные для социально-экономических наук – ситуации требуют определенной ревизии самого понятия истинности/ложности применительно к социально-экономическим дисциплинам, особенно когда речь идет об описании будущего, а не прошлого. «Признаком истинности, – пишет Сорос, – мы привыкли считать соответствие фактам. Но соответствия можно достичь двумя способами – либо приводя высказывания в соответствие с фактами, либо заставляя факты соответствовать нашим высказываниям. Лишь в первом случае соответствие служит гарантией истинности высказывания; во втором <...> оно говорит не столько об истинности или справедливости того или иного утверждения, сколько о силе его воздействия. Это относится к большинству политических заявлений и **ко многим социальным теориям**. Не являясь ни истинными, ни ложными, они действительны настолько, насколько им **верят**»¹⁷ (выделено нами. – В. К.)¹⁸.

Интересно, что со сходной в известном отношении ситуацией ученые сталкиваются на противоположном полюсе познания, когда исследуются не **самые высокие** уровни организации (человек, общество), а, наоборот, **микроуровень**, уровень элементарных частиц, которым занимается квантовая механика. Дадим слово специалисту: «В классической физике предполагается, что роль измерительного прибора может быть в принципе сведена только к регистрации движения и состояние системы при измерении не меняется. В квантовой физике такое предположение несправедливо: измерительный прибор наряду с другими факторами сам участвует в формировании изучаемого на опыте явления, и эту его роль нельзя не учитывать. <...> Роль прибора выступает на первое место тогда, когда ставятся специфические вопросы, некоторые из которых лишены, как выяснилось, смысла (например, вопрос о том, по какой траектории двигался электрон в интерференционном поле, так как либо нет траектории, либо нет интерференции)»¹⁹. Иначе говоря, как ученый-экономист или социолог своим фактом своей научной деятельности вмешивается в изучаемый им процесс и порождает изменения в этом процессе, так и физик (его измерительный прибор), будучи частью экспериментальной системы, оказывает влияние на объект исследования.

Специфичность объекта исследования в гуманитарных науках. В данном подразделе мы дополнительно рассмотрим специфичность самого объекта гуманитарного исследования.

Что же это за объекты и чем они отличаются от объектов анализа в естественных науках?

Начнем с того, что в широком смысле гуманитарий анализирует объекты *культуры*. Последние противопоставляются объектам *природы*, т. е. тем природным объектам, сущность которых для человека исчерпывается их собственными свойствами и не обладает ничем, что примысливалось бы самим человеком (кроме, разумеется, самого по себе неперменного присутствия человеческого фактора, о чем говорилось выше и к чему мы еще вернемся). В отличие от природных объектов, объект изучения гуманитария наделен *ценностью*, не являющейся ингерентным, внутренне присущим ему свойством, она не существует вне человеческого вос-

¹⁷ Сорос Дж. Открытое общество: Реформируя глобальный капитализм. М., 2001. С. 59–60.

¹⁸ Даже использующиеся в социально-экономических дисциплинах термины нередко выдают свою прямую причастность к человеческим чувствам, установкам и т. п., ср., например, «инфляционные ожидания».

¹⁹ Берестейский В. Б. Квантовая механика // БСЭ. 1973. Т. 11. С. 575.

приятия и нейтральна по отношению к характеристике в терминах истинности/ложности. По справедливому утверждению Риккерта, излагаемое нами здесь в своей редакции, операция отрицания, примененная к пропозиции с участием внекультурного объекта, приводит к его переходу в свою противоположность, оставляя, однако, объект в пределах соответствующего множества, в то время как та же операция с объектом культуры просто уничтожает его²⁰. Например, пропозиция «Трава оранжевая», будучи подвергнута отрицанию (внутреннему), дает пропозицию «Трава не есть оранжевая» (т. е. речь все еще идет о траве, только не обладающей признаком данного цвета), тогда как аналогичное отрицание пропозиции «Данный объект есть крест [как символ христианства]» вообще выводит объект из сферы культуры, «уничтожает» его с этой точки зрения, превращает, скажем, в две доски, соединенные определенным образом²¹.

Поскольку, как было сказано, объект культуры, которым и занимается гуманитарий, соединяет некоторые естественные, ингерентные свойства с теми, которые приписывает ему человек (общество), то появляются основания *сближать* такой объект со *знаком*²². Ведь именно знак по определению, идущему еще от стоиков и канонизированному Ф. де Соссюром, есть неразрывное соединение (материального) означающего и идеального, когнитивного означаемого. Всякий знак не исчерпывается своими воспринимаемыми свойствами, но включает некоторые другие, закрепленные за ним данным социумом. Будучи лишен соответствующей смысловой нагрузки, знак превращается во внекультурный объект – например, в совокупность линий, геометрических фигур, узоров и т. д., начертанных на какой-либо поверхности, безразлично, природными силами или – бесцельно – человеком.

Смысл и ценность в этом контексте совпадают, и совпадают соответственно мир смыслов и мир ценностей. Чрезвычайно существен и семиотический аспект проблемы: семиотическая трактовка культурных объектов ведет к еще одному сближению – мира смыслов (ценностей) и *семиосферы*. Отсюда следует, что все культурные события в известном отношении можно рассматривать как *тексты* (что особенно характерно для постмодернизма)²³. В свою очередь, это означает, что анализ культурных событий, культурных феноменов предполагает *герменевтический* процесс понимания и интерпретации.

Поскольку каждый культурный феномен (≈текст) уникален, из этого, как полагают некоторые науковеды, следует невозможность обобщений и абстракций, оперирование которыми и есть важнейший признак «настоящей» науки. Например, Великая французская революция, естественно, свершилась единожды, она уникальна; на долю историка остаются фактология и фактография, ими он предположительно и занимается, стремясь во всех деталях восстановить соответствующие события и пр. Разумеется, это очень примитивное представление об истории (здесь игнорируется вопрос об исторических закономерностях, структурных и каузальных объяснениях в исторической науке и т. д.).

Другое отличие, которое в глазах ряда науковедов и философов отграничивает точные/естественнонаучные дисциплины от гуманитарных с точки зрения объекта анализа, заключается в том, что текст естественным образом допускает *различные* интерпретации, причем это принципиально присущее ему свойство.

²⁰ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

²¹ Разумеется, отрицание может и сохранить принадлежность объекта сфере культуры, ср.: «Данный объект не крест, это дикийрй».

²² Это именно сближение, а не отождествление: для знака важно то обстоятельство, что он *предназначен* для общения, он *должен* передавать информацию – в то время как культурный объект, не являющийся знаком, *может* говорить о чем-то тому, кто его воспринимает, являясь *потенциальным* посланием и, следовательно, *потенциальным* знаком.

²³ См. об этом, например: Нуржанов Б. Г. Бытие как текст. Философия в эпоху знака (Хайдеггер и Деррида) // Историко-философский ежегодник'92. М., 1994.

Рассмотрим кратко изложенные аргументы, фактически отказывающие гуманитарным дисциплинам – временно, до достижения надлежащей зрелости или же в принципе – вправе считаться подлинными науками.

По поводу уникальности гуманитарных фактов и событий верно пишет Г. Ю. Любарский: «Любое реальное явление уникально, и историческое событие уникально, и данное падение яблока – тоже уникально. Это означает только, что для того, чтобы конкретное явление стало научным фактом, оно должно быть воспринято как неуникальное»²⁴. Уже сам факт, что историки называют известные события во Франции 1789–1794 гг. *революцией*, явственно говорит о том, что данные события функционально сближаются (отождествляются) по каким-то важным признакам с иными социально-политическими движениями наподобие Английской буржуазной революции XVII в., революций 1848–1849 гг. в ряде европейских стран, Синьхайской революцией в Китае 1911–1913 гг., Октябрьской революцией в России и т. д. (и одновременно противопоставляются родственным, но другим историческим событиям – таким, как восстание, бунт, мятеж). Иначе говоря, имеет место процесс *абстрагирования*, который и переводит уникальное в разряд неуникального, обобщенного, абстрактного. Результат абстрагирования закрепляется в языке.

Разумеется, не приходится отрицать, что сложность общественных событий, других объектов гуманитарных наук действительно многократно превосходит уровень сложности объектов естественнонаучных дисциплин, ввиду чего формирование научных парадигм и «нормальной науки» (в смысле Т. Куна) объективно затруднено – а скорее всего сам науковедческий подход на материале гуманитарного знания требует определенных коррективов (ср. ниже).

О неоднозначности научной трактовки в гуманитарных науках как о сущностном признаке достаточно подробно пишет В. М. Аллахвердов в небольшой главе, озаглавленной «Сравнение методологических принципов гуманитарных и естественных наук»²⁵. Как полагает автор, если ученые-естествоиспытатели исходят из принципа рациональности мира, понимаемого как вненаучность явлений, не поддающихся каузальному объяснению, то гуманитарии исходят из презумпции смыслового совершенства текста: «...расширение контекста и усилия толкователя должны привести в конце концов к постижению стройного и единственного смысла этого текста»²⁶. Аллахвердов оговаривается – и придает этому обстоятельству принципиальное значение, – что «стройным и единственным смыслом» текст обладает для *конкретного исследователя*; другой исследователь может усматривать в том же тексте иной смысл, который для него тоже будет «стройным и единственным». В качестве одного из примеров фигурируют разные трактовки знаменитого рассказа И. И. Бунина «Легкое дыхание» в исследованиях Л. С. Выготского, А. К. Жолковского и Вяч. Вс. Иванова. «По Выготскому, Бунин создал образ “беспутной гимназистки”. По Жолковскому, Бунин вообще не дает моральных оценок, а образ героини нужен ему лишь для того, чтобы оттенить интерьеры, в которых она действует. По Иванову, бунинская героиня – светлая, ясная, духовно глубокая личность. <...> Аргументы в пользу любой из этих позиций всегда можно привести, но как выбор той или иной позиции может быть доказан?»²⁷.

Принципиальная возможность разночтений, расходящихся интерпретаций коренится, как полагает Аллахвердов, в разной природе *идеализации* анализируемого объекта, к которой естествоиспытатели и гуманитарии прибегают в равной степени, но естественнонаучная идеализация и гуманитарная оказываются, мы бы сказали, омонимами. «В естественной науке неизбежно строятся логически совершенные *идеализированные объекты* (принцип идеализации).

²⁴ Любарский Г. Ю. Морфология истории. М., 2000. С. 12.

²⁵ Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб., 2000. С. 98–106.

²⁶ Там же. С. 98.

²⁷ Там же.

Ученый-гуманитарий обязательно рассматривает все тексты и явления через призму собственных *идеалов*»²⁸. Иначе говоря, естественнонаучная идеализация есть результат применения логического принципа абстракции, в то время как гуманитарная – следствие признания непротиворечивости научной конструкции по отношению к презумпциям автора или соответствующего научного сообщества («...в гуманитарной науке все решает научное сообщество»²⁹). Еще иначе можно сказать, стоя на обрисованных позициях, что естественнонаучная истина есть продукт согласования идеального объекта с чем-то, что внеположено как самому этому объекту, так и исследователю, а гуманитарная предполагает согласование одного идеального объекта с другим (другими), в равной степени порожденными исследователем.

Сами гуманитарии отнюдь не спешат безоговорочно признать фатальную невозможность строго научного, логически выверенного доказательства истин, добываемых (генерируемых) представителями своих наук. В качестве определенной индикации соответствующих настроений можно привести слова М. Л. Гаспарова, где за несколько легкомысленной формой стоит вполне серьезное содержание: «Главное в том, чтобы считать, что дважды два – четыре, а не столько, сколько дедушка говорил (или газета “Правда”, или Священное писание, или последний заграничный журнал)»³⁰. «Дважды два – четыре» здесь, конечно, символ точного знания, не зависящего от конвенций и традиций научного сообщества настолько, насколько это вообще возможно³¹.

Приведем пример из области фонологии. В русском языке, как известно, существуют звонкие и глухие согласные, а наряду с ними – сонанты *м, н, л, р* (и их мягкие корреляты). Физически (акустически) сонанты, бесспорно, являются звонкими согласными: в их образовании существенно участие голоса (колебаний голосовых связок), типична насыщенная формантная структура, т. е. ярко выраженные области усиления определенных частотных областей спектра. Являются ли сонанты звонкими с функциональной, фонологической точки зрения? Обычно считается, что нет. Фонология основана на существовании системы оппозиций (так, согласный *б* потому лишь выступает звонким, что именно звонкость противопоставляет его согласному *п*, во всем остальном, кроме глухости, практически равному *б*). В русском языке, в отличие от некоторых других, наподобие тибето-бирманского языка мизо, *не существует* глухих сонантов – следовательно, имеющиеся сонанты нет оснований считать (фонологически, системно, функционально) звонкими, они просто нейтральны по отношению к этому признаку.

Возможен, однако, и иной подход. В системе русских согласных признаков «звонкость/глухость» бесспорно *существует*. Следовательно, мы должны автоматически приписывать его любой фонеме, если это согласуется с ее реальными свойствами. Тогда сонанты окажутся все же звонкими.

Налицо как будто бы множественность выбора между разными научно-фонологическими текстами, предпочтение должно определяться принятой парадигмой описания.

Есть, однако, способы, которые могут способствовать обоснованию выбора, не сводящегося к конвенциям и внетеоретическим предпочтениям. Сошлемся лишь на один из них. Как хорошо известно, в русском языке имеет место принудительная ассимиляция глухих согласных перед звонкими, когда этимологически глухие заменяются на звонкие. Например, невозможны сочетания *сд (сделать), тб (отбрить)* и т. п. – мы с необходимостью произносим *зде-*

²⁸ Там же. С. 99.

²⁹ Там же. С. 106.

³⁰ Философия филологии: Круглый стол // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 53.

³¹ Мы оставляем в стороне не столь уж редко выдвигающийся тезис, согласно которому естественным наукам точность придает использование математики, благодаря которой поведение Вселенной «описывается небольшим числом математических законов, в свою очередь выводимых из некоего общего набора физических принципов, также выражаемых на математическом языке» (Клайн М. Математика: Поиск истины. М., 1988. С. 142). Во-первых, природа объяснительной силы математики сама по себе является своего рода загадкой; во-вторых, математизация гуманитарных наук, в особенности средствами неколичественной математики, в последние десятилетия также набирает силу.

лать, адбрить и т. п. Последующий звонкий «навязывает» свою звонкость предыдущему и уже самим данным фактом подтверждает свою фонологическую (системную, функциональную) реальность. Иное дело аналогичные сочетания с сонантами: здесь нет никаких запретов на сочетания как звонких, так и глухих с последующими сонантами, ср.: *снасть* и *знать*, *отмерял* и *адмирал* и т. п. Иначе говоря, сонанты, будучи акустически звонкими, свою звонкость в фонологических процессах никак не обнаруживают, не «навязывают» ее предшествующим согласным, как это делают звонкие шумные, т. е. несонанты *д*, *б* и т. п. Это и служит доказательством фонологической нейтральности сонантов по отношению к признаку «звонкость/глухость», т. е. их фонологической незвонкости. Трудно считать, что доказательность такого рода построенный менее убедительна и в меньшей степени надежна для получения однозначного ответа, чем любое суждение из области естественнонаучных дисциплин.

Еще один пример из области литературоведения носит, возможно, менее наглядный характер (но ведь следует учитывать и сложность литературоведческого дискурса). Речь идет о роли античного начала в творчестве А. С. Пушкина: разные исследователи находили то «укорененность в эллинизме», то истинно христианское мирозерцание, убедительно обосновывая обе точки зрения собственными пушкинскими текстами. Не вдаваясь по понятным причинам в сколько-нибудь обстоятельное рассмотрение существа вопроса, позволим себе воспроизвести сравнительно длинную (и чрезвычайно информативную, на наш взгляд) цитату из работы С. Г. Бочарова, в которой кратко резюмируются взгляды на означенную проблему со ссылкой на концепции С. С. Аверинцева и А. В. Михайлова: «С. С. Аверинцеву принадлежит замечание, записанное за ним М. А. Гаспаровым: “Пушкин стоит на переломе отношения к античности как к образцу и как к истории, отсюда – его мгновенная исключительность. Такова же и “веймарская классика”. О веймарской классике и *живой* для нее античности – у А. В. Михайлова: античность “еще и не кончилась к этому времени”, к рубежу XVIII–XIX вв.; античность – далекое прошлое, “но лишь чисто хронологически”, “по существу же, по смыслу” она – “всегда рядом”».

Но так – “всегда рядом” – она в последний раз у Гёте и Пушкина³². Здесь нет логической цепочки доказательств (да и фундирующий материал, естественно, опущен), но дан, как представляется, пример широкого гуманитарного обобщения, синтеза – особенно если учесть неявно присутствующую гипертекстовую оглядку на теорию «долгого Средневековья» Ле Гоффа и других французских историков Школы «Анналов». Здесь представлена, в сущности, *прогностическая модель*, позволяющая предсказывать характеристики творчества Пушкина; когда они удовлетворяют модели (а именно это, насколько можно судить, имеет место), мы получаем подтверждение жизнеспособности самой модели. Иначе говоря, налицо согласие с принципами науки как таковой, а не «всего лишь» с особыми приемами особой гуманитарной науки.

Следует ли из сказанного, что множественность интерпретаций гуманитарного текста и, отсюда, множественность метатекстов, сопоставленных одному и тому же тексту, всегда устраняема, всегда решается в пользу одного из них или же посредством некоего синтеза? Конечно, нет. Полезно вспомнить эпизод, связанный с оценкой картины Ван Гога, изображающей стоптанные башмаки. Хайдеггер увидел в картине аллегорию крестьянского труда («немолчаливый зов земли отдается в этих башмаках»), по поводу чего Шапиро не без ехидства заметил, что на самом деле Ван Гог изобразил *собственные* башмаки, а сам художник никак не был «человеком земли». Как представляется, однако, прав здесь Ж. Деррида, который в статье с характерным названием “*La verité en peinture*” отстаивал *принципиальную равновозможность множества интерпретаций*³³. Возвращаясь к высказанному выше положению о специфично-

³² Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 233.

³³ См. об этом: Философия филологии... С. 54.

сти гуманитарного знания как места встречи двух (или более) ментальных систем, необходимо допустить, что изучаемый гуманитарием текст (знаковая конструкция) задает лишь некоторый горизонт понимания, в пределах которого, в зависимости от реципиента (реально – соавтора), избирается та или иная возможность. Н. Винер объяснял свои не слишком высокие показатели в шахматной игре тем, что он не привык к противодействию со стороны партнера: для него как для ученого-естествоиспытателя привычным партнером была неживая природа, взаимодействие с которой всегда однонаправленно. Но партнером гуманитария выступает текст, а текст живет, он может изменять свои характеристики в зависимости и от того, кто с ним «работает», и от того, как с текстом «работают». Наконец, сам язык – инструментарий текста – уже есть некоторая философия и идеология, навязывающая себя автору, с одной стороны, и жесткая структура – с другой, допускающая и даже предполагающая наличие «открытых финалов», недоговоренности, определенной свободы прочтения и т. п. Пресловутая неопределенность гуманитарных построений – *если* она не поддается корректному снятию, что всегда очень конкретно, – есть прямое отражение исследовательским метатекстом свойств текста-объекта.

Соотношение логического и интуитивного в гуманитарных науках. Эта проблема неявным образом уже затрагивалась выше. В частности, там, где речь шла о том, что точные и естественнонаучные дисциплины основывают свои суждения на системах аксиом, из которых логически выводятся соответствующие теоретические положения. Иначе можно сказать, что аксиомы *базируются на интуиции* или, еще иначе, что интуиция здесь проявляется в формулировании аксиом. Однако подобная констатация факта далеко не исчерпывает вопрос об интуиции. Достаточно хорошо известно, что ученый-естествоиспытатель совершает (теоретические) открытия в своей научной области не столько за счет строго логического анализа, сколько благодаря *интуитивному озарению*; обычно, лишь придя к соответствующему результату, ученый переводит его на язык логики³⁴.

Как обстоит дело в гуманитарных науках? Начать следует с того, что наука вообще отличается от ненауки (искусства, прежде всего) *воспроизводимостью результатов*. Эмпирические находки в науке не должны зависеть от того, кто, когда и где мог наблюдать открытые физиками, химиками и другие факты: если бы было, например, обнаружено в одной из исследовательских лабораторий, что при определенных, точно оговариваемых условиях сверхпроводимость возможна при комнатной температуре, то этот результат был бы повторен, воспроизведен во всех лабораториях, обладающих для этого нужным оборудованием и научным персоналом. Точно так же и в случае теоретических открытий: признание научным сообществом одного и того же набора аксиом и, разумеется, общих для всех правил логики делает теоретическое открытие воспроизводимым. Иное дело в искусстве. Цель искусства – самовыражение творца. Творец уникален – соответственно уникален, т. е. принципиально невозпроизводим, результат его творчества. Хотя в истории науки не раз случалось, что разные ученые независимо друг от друга совершали одно и то же открытие (например, Ломоносов и Лавуазье независимо друг от друга пришли к закону сохранения массы вещества), невозможно представить себе, что кто-то независимо от Пушкина сочинил бы «Я помню чудное мгновение...», независимо от Рудаки – касыду «Мать вина», независимо от Гершвина – оперу «Порги и Бесс» и т. д.

В гуманитарных науках – уже потому, что это *науки*, – равным образом должен действовать принцип воспроизводимости. Нельзя считать, как это иногда встречается, что, придя интуитивно к тому или иному положению, ученый-гуманитарий тем и ограничивается, не переводя свою интуицию на язык логики (т. е. ограничиваясь утверждением «а я вот *так* вижу!»). Но есть и специфика. Как мы помним, гарантия истинности теоретических положений есте-

³⁴ См. об этом, например: *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004; см. прим. 35.

ственнонаучных дисциплин – отправление от общих аксиом и соблюдение правил логического вывода. Но в гуманитарных науках «плохо с аксиомами», поскольку объект изучения гуманитария носит предельно сложный характер, его трудно свести (возвести) к элементарным интуитивно истинным положениям-аксиомам. Отсюда раздробленность гуманитарных наук на школы со своим базисом и традициями каждая³⁵, склонность ссылаться на авторитеты вместо логического анализа и целый ряд других черт, отличающих гуманитарные науки.

В целом же можно сказать вслед за Е. Л. Фейнбергом³⁶, что «не только художественная деятельность, не только социальное поведение и гуманитарные науки, но и так называемое “точное знание”, до математики включительно, основывается на сочетании формально-логического подхода с существенно внелогическими, интуитивными суждениями и решениями. В разных сочетаниях они образуют любой подобный вид деятельности»³⁷.

Специфика проявляется именно в «разных сочетаниях». В гуманитарных науках меньше удельный вес так называемых аксиом и, следовательно, больше поливариантности в описании предмета исследования. Но еще раз отметим: естествоиспытатель, не абсолютизирующий редукционизм, допускающий комплементарность репрезентаций и их возможную (а иногда неустранимую) зависимость от позиции наблюдателя, покидает «Эдем методологической невинности», который зиждется на принципах строгой дизъюнкции *или – или*. Гуманитарий, имеющий дело с объектом, во многом *производным от человеческой психики*, с неизбежностью обнаруживает себя в зоне действия сложнейших и разнонаправленных силовых полей, которые еще в меньшей степени, нежели объекты и поля физические, поддаются сведению к единственно возможным формулам.

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУКАХ

Согласно традиционному подходу, автономность науки (научной дисциплины, сферы знания) определяется уникальностью **предмета, метода и теории**. Хотя на этот счет есть разные мнения, можно полагать, что отдельная наука существует тогда, когда она строит *свою* теорию *ей* подведомственного предмета, исследуя при этом последний именно *ей* присущим методом (набором методов). Например, лингвистика исследует язык (ее предмет), создает теорию, объясняющую структуру языка и его функционирование, что дает возможность построения модели языка; при этом используются наборы специфических методов, которые могут сильно различаться в зависимости от школы (здесь мы вступаем в область различения парадигмальных/непарадигмальных наук, подробнее см. ниже). В чем **специфика междисциплинарности**: в предмете, методе, теории или в уникальности всей триады?

Прежде всего, устаревшими можно считать взгляды, согласно которым мир естественным образом разделяется на сферы, подведомственные разным наукам; в действительности исследователь (сообщество исследователей) во многом создает эти сферы в процессе своей деятельности, а стало быть, и предмет(ы) своих наук. Именно из этого и следует возможность обнаружения нового предмета изучения – такого, которым прежде наука не занималась как относительно автономной сферой. Классические примеры – кибернетика, экология.

³⁵ Само по себе наличие школ Т. Кун считает формальным признаком гуманитарных («допарадигмальных») наук. Это не совсем так. В естественных науках школы, конечно, тоже существуют; но надо признать, что *соотношение* школ для естественных и гуманитарных наук разное. Если в области естественных наук школы обычно сосуществуют по принципу дополнительности (в одной школе те или иные проблемы изучаются более специальным образом, чем в других), то гуманитарные школы чаще противопоставлены друг другу, отличаясь исходными постулатами и традициями *и/или* методами.

³⁶ Е. Л. Фейнберг усматривает принципиальное отличие между двумя разновидностями интуиции, которые он называет «интуиция-утверждение» и «интуиция-догадка». С этим, безусловно, следует согласиться: интуиция-утверждение – это аксиома, которая не подлежит логизированию и доказательству, в то время как интуиция-догадка – это установление истины «для себя»; «для других» она требует перевода на язык логики.

³⁷ Фейнберг Е. Л. Две культуры: Интуиция и логика в искусстве и науке. М., 2004. С. 269.

Вполне очевидно, что новый предмет требует создания собственной теории для его описания, объяснения, моделирования, для чего понадобится свой набор методов. Конечно, применение новых методов для исследования «старого» предмета само по себе способно изменить его, поскольку меняет наше о нем представление – в конечном счете, нашу теорию предмета. Но это все-таки создание новой конфигурации в старом поле исследования (вопрос о тождественности объекта/предмета самому себе имеет давнюю традицию обсуждения в философии, что составляет особую проблему).

Таким образом, если междисциплинарность мы связываем с созданием новой науки, то последняя должна обладать признаками новизны в области как предмета, так и теории и метода. В то же время данное условие необходимое, но не достаточное. Междисциплинарность, как это следует уже из внутренней формы слова, предполагает *сочетание разных наук* как своего *источника*. Представляется важным различать мультидисциплинарность, трансдисциплинарность и междисциплинарность.

Мультидисциплинарность – это, собственно, многостороннее (средствами разных наук) исследование одного объекта при выделении в нем разных *предметов* анализа. Например, проблема преступности (т. е., фактически, проблема существования определенной популяции людей, чаще дисперсной, которая характеризуется социально неприемлемым поведением) может изучаться с точки зрения биологии (генетики) и социологии (и т. д.), что и будет мультидисциплинарным исследованием, где каждая из наук-участниц в значительной степени сохраняет свою автономность. Мультидисциплинарность характеризуется *аддитивностью* наук, входящих в соответствующий комплекс; сочетание наук не создает нового качества. Входящие в комплекс науки объединены только (или преимущественно) объектом анализа.

Трансдисциплинарность можно усматривать в ситуации, когда использование одних и тех же (структурно, функционально) методов приводит к установлению *изоморфности* разных объектов. Например, в археологии использование радиоуглеродного метода для определения датировки вещественных источников органического происхождения способствует выяснению динамики развития материальной культуры. В историческом языкознании на тех же принципах построен метод глоттохронологии, который позволяет определить время расхождения языков. В результате получаем ту же временную структуру эволюции общества. В случае трансдисциплинарности входящие в комплекс науки объединены только (или преимущественно) методом (методами) исследования.

Главное отличие *междисциплинарности* видится в *неаддитивности* тех наук, на базе которых вырастает новая, междисциплинарная. Синтез приводит к новому качеству. Как уже упоминалось, классическими примерами можно считать экологию и кибернетику. Отправляясь от «биологических истоков» второй половины позапрошлого века, когда Э. Геккель впервые выделил экологию в качестве особой сферы, вбирая в свой арсенал представления химии, физики и других дисциплин, экология пришла к статусу относительно автономной науки, изучающей систему «живое вещество – среды различного типа». Сведение экологической проблематики к комплексу биологических, химических и прочих вопросов едва ли возможно. Аналогично кибернетика, опираясь на фактически открытое понятие информации и вбирая важнейшие положения логики, математики и иных дисциплин, стала, бесспорно, самостоятельной наукой, несводимой к комплексу отдельных дисциплин.

Междисциплинарность, объединяя дисциплины одновременно по предмету, методу и теории, тем самым и создает новую науку. Иными словами, *междисциплинарность* – это *неодисциплинарность*, выросшая на стыке двух или более наук.

Исходя из изложенного, можно сказать, что востоковедение начинается как мультидисциплинарность и с достижением зрелости и осознания себя переходит в статус междисциплинарности, вырастая в новую автономную науку. Мультидисциплинарность как исток востоковедения (своего рода «протовостоковедение») имеет место тогда, когда определенное

сообщество ученых получает в свое распоряжение некий новый материал: знакомится с языками и культурами, в значительной степени отличающихся от привычных, и начинает специально (научно) исследовать эти языки и культуры. Так и появилось востоковедение в XIX в. Но при своем рождении востоковедение было (и отчасти остается) сосуществованием филологии (лингвистики и литературоведения), истории, культурологи, этнопсихологии, социологии народов и обществ, условно относимых к восточным (преимущественно на географических основаниях – соблюдающихся, впрочем, не вполне последовательно).

Уже давно, однако, стало понятно, что Восток, изучаемый востоковедением, не есть географический ареал³⁸ – это ареал **историко-культурный**³⁹. Если Восток выделяется по некоторым историко-культурным параметрам, главным из которых выступает традиционализм как фундамент общества⁴⁰, то появляется возможность и необходимость переосмысления востоковедения, понимания его как единой междисциплинарной науки. Филология, история и прочее в рамках востоковедения при таком переосмыслении преобразуются в *подходы*, определяющие *методы* исследования, а не самостоятельные науки (хотя они, разумеется, сохраняют свою автономность вне востоковедения).

* * *

Подведем некоторые итоги. Востоковедение – фундаментальная наука, изучающая материальную и духовную культуру традиционалистских сообществ и устанавливающая закономерности их развития. Результаты такого рода исследований могут использоваться на практике, соответственно возникает возможность говорить о *прикладном востоковедении* (см. раздел «Прикладное востоковедение»⁴¹).

Объект изучения в востоковедении – это множество (культурных) артефактов, прежде всего текстов на соответствующих языках. *Предмет* изучения также носит множественный характер: это и язык, и литература, и история, и этнология, и социология, и др. В идеале результатом востоковедческих изысканий, посвященных соответствующему сообществу, должно стать достаточно целостное представление об этом последнем (по сути – его модель). Ознакомившемуся с результатами труда востоковедов должно стать ясным, на каком языке и как говорят члены сообщества, каковы их эстетические предпочтения, как устроен их социум (структура, властные инстанции, право, статус личности и представления о ней и т. д.), каково их отношение к жизни и смерти, системы верования, чего они страшатся и над чем смеются, каков их быт и т. п.⁴²

Важно, что в таких случаях (применительно к предметам исследования) востоковед ищет прежде всего закономерности, отражающие традиционалистский характер языковых структур, эстетических систем, социальных структур и процессов и пр. Из сказанного следует, что изучение, например, языка может иметь собственно лингвистическую ориентированность (когда, вообще говоря, не важно – китайский язык изучается или английский), а может – востоковедческую. Однако социолингвистика или этнопсихология на материале китайского общества уже не может быть, вероятно, «чистой» – здесь всегда будет проявляться востоковедческий подход.

³⁸ Д. А. Ольдерогге, основатель отечественной африканистики, как-то заметил, что если ученый-энтмолог исследует муху цеце в Африке, то нельзя на этом основании считать его африканистом.

³⁹ Подробнее см.: Касевич В. Б. Востоковедение как наука // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2: История. Языкознание. Литература. СПб., 2001. Вып. 3 (№ 18); Введение в востоковедение / Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011.

⁴⁰ Касевич В. Б. Востоковедение как наука... 2001.

⁴¹ Введение в востоковедение: Общий курс / Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011. С. 554–568.

⁴² Ср.: Гуревич А. Я. Избранные труды: Средневековый мир. СПб., 2007.

Вопрос о *методе* в востоковедении не вполне ясен. Можно сказать лишь, что, имея в качестве основного объекта тексты, востоковед обречен прибегать к историко-филологической методике анализа.

В. Б. Касевич

Восточная филология. Источниковедение, сравнительно-историческое и типологическое языкознание

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Восточная филология как комплекс наук в России существует около трехсот лет, хотя контакты предков русского народа с народами Востока начались много раньше, более тысячи лет назад. В XX в. к отечественной восточной филологии (к ней мы условимся отнести труды ученых – представителей разных народов царской России, Советского Союза и постсоветской России) добавилось исследование языков и культур Африки. Настоящий раздел посвящен филологии в целом и теоретическому языкознанию в трудах российских и, шире, советских востоковедов и африканистов.

Термин *филология* («словолюбие», др.-греч. phil- ‘люб-’ + log- ‘слов-’), по определению С. С. Аверинцева, – «содружество гуманитарных дисциплин лингвистич[еских], литературоведч[еских], исторических и др., изучающих историю и сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистич[еский] анализ *письменных текстов*. Текст, все его внутр[енние] аспекты и внешние связи – исходная реальность филологии»⁴³. Целью филологических изысканий является понимание духовного мира и образа мыслей людей, отдаленных от нас во времени и пространстве – постольку, поскольку это отражено в доступных нам текстах. Такое понимание не дается само собой, оно требует специальной подготовки.

Филологией иногда называют также филологические занятия – то, что (чаще в европейской науке) понимают под «критикой текста» (*англ.* textual criticism). Критика здесь имеется в виду, во-первых, *текстологическая*: анализ ошибок в рукописях, иногда и в печатных изданиях, воссоздание истории текста, его возможных трансформаций и вариантов (*lower criticism*). Во-вторых, речь может идти о тематике текста, идейном замысле, эстетической ценности, стиле; исторической достоверности, об отношении его к другим (более ранним, более поздним) произведениям, литературных влияниях и пр. (*higher criticism*). К всестороннему изучению того или иного текста привлекаются данные об авторе, языке, на котором текст написан, сведения о сфере жизни и деятельности, составляющие его содержание. Так, изучая трактат о живописи, мы должны иметь представление о том, как создается картина; изучая сочинение о мореплавании, мы должны приобрести познания о навигации и судовождении, астрономии и пр. Филология в указанном смысле представляет собой собрание сведений, методик и приемов, полезных при изучении текстов. Лишь некоторые обобщения могут быть отнесены к ней как к особой науке (правила построения генеалогии рукописных текстов, систематизация ошибок). Отдельные отрасли филологии – *кодикология*, т. е. изучение рукописей в плане физического представления текста, и *палеография* – наука об истории письменных знаков.

Есть и другое значение термина. Хотя при исследовании определенного текста могут быть важны данные политической истории, материальной культуры и пр., к собственно филологическим наукам относятся *лингвистика* (языкознание), *фольклористика* и *литературоведение*, – обычно именно их в совокупности и называют филологией.

Каждая из этих наук включает различные теоретические и прикладные дисциплины со своей системой понятий. К языкознанию относятся грамматика, лексикология, фонология, сравнение родственных и неродственных языков (сравнительно-историческое и типологическое языкознание), социолингвистика и др.; к литературоведению – теория литературы, исто-

⁴³ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987. С. 467.

рия литературы, литературная критика. Фольклористика изучает не письменные тексты, а устное народное творчество, пользуясь его непосредственным наблюдением и его передачей на письме или с помощью аудиовизуальной техники. В номенклатуре специальностей Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ она причисляется к литературоведению, хотя фольклор вообще имеет черты сходства и с языком: коллективность и анонимность создателей, сочетание импровизации и готовых формально-смысловых единиц-клише, одновременность создания и восприятия текста.

Среди теоретических понятий, сформированных на базе европейских языков и культур, одни сохранили свое значение донныне, а другие пришлось переосмыслить благодаря востоковедению. Вот, например, что отмечают специалисты-тюркологи: «Глубокое своеобразие структуры тюркских языков, многие элементы которой невозможно описать с помощью сложившегося в европейской лингвистике теоретического аппарата, позволяет внести в общую теорию языкознания значительные коррективы»⁴⁴. В свою очередь, востоковедение смогло применить обновленные дефиниции и обобщения к своему материалу. Сближение эмпирических наблюдений и теоретических обобщений в принципе может идти индуктивно, от первых ко вторым (востоковед изучает материал и приходит к выводам более или менее общего порядка) или наоборот (теоретик, например, социалистического реализма изучает советскую литературу и ее истолкования, а затем находит аналогии этому реализму в афро-азиатской литературе). Это двунаправленное взаимодействие стало особенно сказываться с конца XIX – начала XX в. Выбор теории или концепции имеет решающее значение. Если он сделан, то необходимо быть последовательным, избегая логических противоречий и отмечая те факты, которые не укладываются в теорию.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Восточная филология отличается от соответствующих отраслей классической (античной) и новоевропейской филологии прежде всего принципиально иными системами подлежащих освоению фактических данных. Системный характер этих данных проявляется в многообразных связях между разными сторонами информационной деятельности народов Востока, начиная от отражения картины мира (понимание пространства и времени, реалии окружающей среды, образ жизни, история и культура) в сюжетах и текстах, лексике и грамматике языка и заканчивая особенностями звуковой речи (артикуляция, интонация и пр.) и ее передачи на письме.

До XIX в. восточная филология в Европе и в России переживала «период первоначального накопления» таких данных, главным образом это был период *источниковедения*, заключающийся в собирании письменных памятников, в описании рукописей, в составлении словарей, справочников, каталогов, в издании переводов и переложений.

Концепции языка и литературы, развивавшиеся в античной Греции и Риме, а затем в средневековой Европе и России, лишь в очень небольшой степени учитывали данные восточных языков и культур. Эти языки и культуры представлялись чуждыми и странными⁴⁵. А тот факт, что их носители были иноверцами, влек за собой оценку письменных памятников Востока как «неправильных», содержащих заблуждения и недостойных теоретического осмыс-

⁴⁴ Кононов А. Н., Барулин А. Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX / Сост. А. Н. Барулин; Под общ. ред. А. Н. Кононова. М., 1987. С. 5.

⁴⁵ Ср.: «Относясь к Востоку высокомерно и третируя его, царская Россия никогда не стремилась изучать его на одних линиях с изучением Запада, и потому, “заведя” у себя востоковедение, она и не думала о каком-либо его равноправии с западоведением, которое считалось чем-то вроде большой нормы и потому не требовало специального обозначения, в то время как востоковедение самим своим названием указывало на некий отход от нормы» (Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 114–115).

ления⁴⁶. Работа над текстами Библии имела целью максимально точное установление вечных истин христианства, не зависящих от исторических обстоятельств, а критическая рефлексия сводилась к устранению позднейших искажений означенных истин. Примером может служить Никоновская реформа православия в Московском государстве, включавшая пересмотр перевода Библии и приведшая к расколу церкви. При этом в языке и культуре, фольклоре и письменной литературе Европы фактически происходили заимствования из восточных языков и культур, существовали «бродячие сюжеты», производились переложения письменных памятников.

Различные торговые, политические, семейно-брачные и тем самым языковые контакты предков русского народа с соседними народами Кавказа, тюркскими племенами и государствами, с Золотой Ордой с XIII в., с народами Сибири и Дальнего Востока с XVI в., посольства в Персию и Среднюю Азию, паломничество в Палестину обеспечивались использованием переводчиков документов и толмачей (в частности, татар на русской службе) и соответствующими видами прикладной лингвистики (переводы, составление словарей)⁴⁷. При этом доставлялись сведения о реалиях чужой культуры, хотя таких сведений в русских источниках значительно меньше, чем в западноевропейских, что В. В. Бартольд объяснял сравнительно низким уровнем образованности, в частности, русского духовенства⁴⁸.

В течение главным образом XVIII–XX вв. российской наукой было освоено множество ранее малоисследованных или даже неизвестных языков и диалектов Старого Света, собраны десятки тысяч письменных памятников Востока, причем часть их была издана с историко-филологическим комментарием или специальным исследованием.

При Петре I и позже по его инициативе в Петербурге некоторое время проходили занятия японским языком (с помощью попавших в Россию японских моряков), изучался арабский. Китайский язык учили члены православной миссии в Пекине. Была открыта «калмыцко-татарская школа» в Оренбурге (1744) для потребностей сношений с ханствами Средней Азии. Интерес к языкам мира ознаменовал сводный словарь более 270 языков Европы, Азии, Африки и «Полуденного океана», выпущенный в 1787–1789 и 1791 гг. П. Палласом по указанию и при участии Екатерины II на основании опросов по словнику в 185 слов. С начала XIX в. открывается более или менее регулярное преподавание восточных языков в Казанском и Петербургском университетах, в Лазаревском институте в Москве и в других учебных заведениях.

Ученые предпринимали экспедиции или даже подолгу жили в контакте с носителями этих языков. Ярким примером является Н. Н. Миклухо-Маклай (1846–1888), который наряду со своими основными занятиями по физической антропологии и этнографии записал слова и выражения местного папуасского языка (или, возможно, языка-посредника) на северовосточном побережье Новой Гвинеи. В. Ф. Гиргас (1835–1887) в начале 1860-х гг. изучал на месте арабские диалекты Сирии, Палестины, Египта, записав их грамматические особенности и собрав шесть тысяч слов, отсутствующих в словарях⁴⁹; в начале XX в. индолог Ф. И. Щербатской (1866–1942), прожив в Индии, свободно заговорил на ранее изученном им санскрите, принимал участие в философских спорах местных пандитов; монголовед Ц. Ж. Жамцарано (1880–1942) «в течение многих экспедиций собрал и записал огромное количество текстов

⁴⁶ Примером критики чужой конфессии – в данном случае ветхозаветного иудаизма – может служить первый памятник древнерусской литературы, созданный в XI в. См.: Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / Ред. Д. С. Лихачев и др. СПб., 2004. Т. 1.

⁴⁷ Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.: Л., 1963; Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII в. Л., 1968.

⁴⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России. СПб., 1911.

⁴⁹ Крачковский И. Ю. В. Ф. Гиргас (к сорокалетию со дня его смерти) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее. Л., 1928. С. 75–77.

сказок, былин, песен и других видов фольклора более чем на 10 языках общим количеством около 150 печ. л.»⁵⁰.

Интерес к живой речи возрос во второй половине XIX в. В Казанском университете появилась первая лаборатория экспериментальной фонетики русского, татарского и других языков. После 1917 г. в Советском Союзе широко проводилась работа по созданию письменности малых народов, разрабатывались различные варианты алфавитов на основе латиницы, а позже – кириллицы. С 1920-х гг. проходили этнолингвистические экспедиции на Кавказ под руководством Н. Ф. Яковлева. В Узбекистане трудился Е. Д. Поливанов, выучив узбекский язык и исследуя проблемы его новой письменности в связи с диалектным членением. Эвенский и другие тунгусоманьчжурские языки на месте изучала В. И. Цинциус (1903–1981).

Во второй половине XX в. работали комплексная экспедиция арабистов в Йемене, советско-вьетнамская экспедиция по языкам горных народов Вьетнама с участием лингвистов Института востоковедения АН СССР под руководством В. М. Солнцева (1928–2000), ряд организованных Отделением структурной и прикладной лингвистики МГУ под руководством А. Е. Кибрика экспедиций по языкам Дагестана и других районов, проводилась полевая работа петербургских лингвистов у алеутов на Командорских островах (Е. В. Головкин), в Западной Африке (В. Ф. Выдрин и др., включая студентов и аспирантов Восточного факультета); А. Л. Грюнберг-Цветинович (1930–1995) изучал иранские языки и диалекты Азербайджана, Туркмении, Афганистана; И. М. Стеблин-Каменский изучал иранские языки на Памире; М. А. Членовым и С. Ф. Членовой были собраны материалы по языкам Молуккских островов в Индонезии.

В фонетических лабораториях российских университетов Петербургского/Ленинградского (с 1899 г.), Московского, Казанского, других научных учреждений проводились экспериментальные исследования звукового строя языков Азии и Африки, бесписьменных и письменных языков народов СССР. Широкий размах в институтах АН СССР и ее филиалах, академических институтах и университетах союзных республик получило описание грамматического строя и составление словарей многочисленных языков Сибири, Кавказа, зарубежного Востока.

Совершенствовались методы перевода. Например, В. М. Алексеев (1881–1951) предложил новый метод художественного перевода с китайского, сочетающий научную точность с ритмикой, приближенной к оригинальной⁵¹. Наряду с переводами восточных памятников прошлых веков, с начала XX в. предпринималось изучение и современных литератур: новоарабской (И. Ю. Крачковский, 1883–1951, и др.), китайской (с 1920-х гг., в особенности после образования в 1949 г. КНР), с середины XX в. новых литератур Японии, Индии, стран Юго-Восточной Азии, Кореи, Африки.

Труды российских ориенталистов по освоению источников и прикладному востоковедению, особенно написанные на западных языках, пользовались успехом за рубежом. Так, Я. И. Шмидт (1779–1847) впервые ввел ставший позже общепринятым принцип расположения слов в словарях тибетского языка; А. А. Шифнер (1817–1879) впервые дал описание тибетских гласных и согласных; санскритско-немецкие словари О. Н. Бётлингка (1815–1904), так называемые «петербургские», «служили основой всей европейской индологической науки в течение целого столетия»⁵². В XX в. достижением мирового значения стала «Тангутская филология» Н. А. Невского (1892–1937), который открыл и разработал способ чтения ранее неизвестной иероглифической письменности.

⁵⁰ Азиатский музей – ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Редкол.: А. П. Базиянц и др. М., 1972. С. 240, 224.

⁵¹ Азиатский музей... С. 115.

⁵² Там же. С. 150, 238, 184.

Источниковедческая работа по языкам, рукописям, эпиграфике (надписям на твердых материалах), нумизматике (монеты, медали и т. п.), фольклору и литературе Востока и Африки далеко не закончена и продолжается до наших дней. Актуальны вопросы перевода, преподавания и других прикладных аспектов восточной филологии.

ЛИНГВИСТИКА

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Истории языкознания в России и СССР, в частности восточного, посвящено немало работ, включая хрестоматии и другие учебные пособия. Много сведений собрано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (далее сокращенно ЛЭС; М., 1990, последующие издания под заглавием «Языкознание»; см. статьи «Языкознание в России», «Советское языкознание» и др.; новые данные можно найти в Интернете).

Теоретическое языкознание в XIX в. развивалось преимущественно в плане установления родства языков, иначе – общего происхождения определенных языков от некоторого языка-предка более раннего периода. Этот язык-предок или его ближайший вариант мог быть сохранен на письме, как латинский – предок французского и других романских. Многовековые наблюдения над сходной лексикой и грамматическими формами родственных языков Европы, Ближнего Востока (арабского и древнееврейского), Индии, островов Юго-Восточной Азии и Океании подготовили почву с начала XIX в. для последующей разработки *компаративистики* – сравнительно-исторического языкознания. Появились понятия *языковой семьи* (в первую очередь индоевропейской, включающей, наряду со славянскими, германскими и другими языками, армянский, индоарийские, иранские), *праязыка* – предка родственных языков, родословного древа семьи, далее – межъязыкового *фонетического соответствия* и *фонетического закона*, т. е. закономерного исторического изменения звукового состава слов в определенных условиях (позиция звука, влияние соседних звуков, характер слога, ударение).

В России сравнительно-историческое языкознание, начавшись сравнением славянских языков у А. Х. Востокова (1781–1864), получило развитие в последней четверти века в трудах Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914), создателя Московской школы языковедов конца XIX – начала XX в., автора оригинальных идей и открытий, обогативших отечественную и европейскую компаративистику. Эту школу отличало внимание к формальным аспектам фонетики и грамматики, четкость методики. В частности, было введено понятие *нулевого окончания* – материального отсутствия звука, наделенного грамматическим значением. Фортунатову, специально изучавшему, в частности, санскрит в историческом плане, был свойствен широкий кругозор за пределами индоевропейской семьи. Он указывал, например, на родственные связи меланезийских языков с другими языками Океании и малайским.

В дальнейшем сравнительно-исторические исследования в России охватили наряду с индоевропейской и другие языковые семьи. Но в советский период с конца 1920-х гг. по 1950 г. это направление было заторможено ввиду монопольного положения в науке последователей Н. Я. Марра, кавказоведа (главным образом, археолога, но также автора работ по армянскому и другим языкам, 1864/65–1934), который, не владея сравнительно-исторической методикой, объявил ее буржуазной и расистской и выдвинул собственную концепцию, которую его последователи объявили соответствующей историческому материализму⁵³. Российская компаративистика смогла развернуться лишь после того, как сам И. В. Сталин, полновластный руководи-

⁵³ Алтатов В. М. История одного мифа. М., 1991.

тель СССР и главный советский марксист, вмешавшись в проблемы языкознания, предложил вернуться к научной традиции, а марровское учение развенчал как противоречащее не только марксизму, но также очевидным фактам и здравому смыслу.

С середины XX в. по настоящее время российскими востоковедами-лингвистами был создан ряд оригинальных компаративных трудов: сравнительные грамматики и фонетики, этимологические словари, обобщающие монографии по языкам тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, афразийским (более раннее название – семито-хамитские), сино-тибетским, австронезийским (более раннее название – малайско-полинезийские), тайским. В этих работах предлагаются новые или уточненные генеалогические классификации языковых семей и их подразделений (ветвей, групп), реконструкции фонемных систем, архетипы корней, основ, аффиксов, производных слов, разъясняются исторические изменения внешней формы и семантики языковых единиц. Для языков индоиранской группы, армянского и ряда других языков Востока важна фундаментальная монография по индоевропейской семье⁵⁴.

Совершенствуется метод *лексикостатистики – глоттохронологии* М. Сводеша. По опыту изучения базовой лексики разных семей С. Е. Яхонтов составил список 35 значений самых исторически устойчивых слов⁵⁵.

Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, а также японский и корейский (последние два признавались прежде генетически изолированными) частью лингвистов объединяются в алтайскую семью. Наиболее веские доказательства в пользу такого объединения приведены в монографии С. А. Старостина (1953–2005)⁵⁶. Но некоторые условия сравнительно-генетической методики при этом не выполняются, поэтому существование алтайской семьи остается под вопросом. Более вероятно объединение австронезийских и тайских языков в австро-тайскую семью⁵⁷. Защищавшееся одно время понятие иберийско-кавказской семьи в настоящее время оставлено, вместо нее различаются три семьи: картвельская, абхазско-адыгская (западнокавказская) и нахско-дагестанская (восточнокавказская).

В 1960-х гг. В. М. Иллич-Свитыч (1934–1966) развил гипотезу Х. Педерсена о существовании ностратической макросемьи, объединяющей несколько известных семей Старого Света (индоевропейскую, алтайскую, афразийскую, картвельскую, дравидийскую и др.) и разделившейся несколько тысячелетий тому назад⁵⁸. В дальнейшем афразийские языки признали особой макросемьей наряду с ностратической. Старостиним и его сотрудниками выдвинута также гипотеза о *сино-кавказской суперсемье*, включающей языки Кавказа, сино-тибетские, енисейские (кетский и др.) и америндский (индейский) на-дене. При этом глоттохронология показывает время разделения предполагаемых больших генетических общностей, превышающее 10 тысяч лет. Выявлены также свидетельства родства хуррито-урартской языковой семьи с восточнокавказскими.

⁵⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1–2. Тбилиси, 1984; о новейших теориях и гипотезах см. также: Бурлак С., Старостин С. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005; Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропеистику. СПб., 2010.

⁵⁵ Яхонтов С. Е. Наиболее устойчивые слова опытных списков глоттохронологии // Культура стран Малайского архипелага. Индонезия, Филиппины, Малайзия: Сб. материалов / Сост., ред. А. К. Оглоблин. СПб., 1997. С. 10–18.

⁵⁶ Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. Японский язык, согласно автору, входит в алтайскую семью как древнейшая из ее ветвей.

⁵⁷ Яхонтов С. Е. Отдаленное родство языков: сравнительные характеристики некоторых спорных теорий // Язык и речевая деятельность. 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 206–239.

⁵⁸ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т. 1–3. М., 1971–1984.

СТРОЙ ЯЗЫКОВ, ИХ СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА, ТИПОЛОГИЯ

До конца XVIII в. сочинения по теории языкового строя сообщали лишь отрывочные сведения о восточных языках. «Всеобщая универсальная грамматика» А. Арно и К. Лансло (1660), основанная на философии Р. Декарта, сочинения Г. Лейбница о структуре универсального языка как комбинаторике простых и сложных символов (начало XVIII в.) «не содержат собственно лингвистического исследования существующих языков»⁵⁹.

С начала XIX в. в Европе, главным образом в Германии, разрабатывалась *морфологическая классификация* языков по структурным признакам слова, с разделением их на типы: языки *изолирующие* (аморфные), *агглютинативные* (агглютинирующие), *флективные* и *инкорпорирующие*. В отличие от деления на языковые семьи, этой классификации, положившей начало *типологическому* языкознанию, подлежат и родственные, и неродственные языки. Например, к флективному типу относятся арабский (афразийская семья), санскрит и русский (оба – индоевропейская семья). Сохранив основную терминологию, морфологическая классификация уточнялась и усложнялась вплоть до последнего времени. Современная лингвистическая типология – фактически не что иное, как теория так называемой «внутренней лингвистики», имеющая целью выяснение принципиальных возможностей любой языковой системы.

В России в XVI–XVII вв. лингвистическая теория «не выходит за пределы рассмотрения канонического церковнославянского языка»⁶⁰. И позже, до XX в. общее языкознание отсутствовало среди дисциплин, входивших в подготовку российских востоковедов⁶¹. Описывая восточные языки, востоковед-нелингвист обычно прибегал к понятиям русской грамматики. Основные единицы языка, которыми пользовались востоковеды, частично были им уже известны по грамматикам языков европейской античности (слово, предложение, падеж, подлежащее и сказуемое и др.). Однако потребовались и нововведения, и переформулировки. Иногда заимствовалась терминология средневековой филологии носителей данного языка. Так, традиции национальной грузинской грамматики отразились в работах петербургских ученых (Д. И. Чубинов, А. А. Цагарели). Арабский по происхождению термин *изафет*, означающий синтаксическую группу с именным определением и употребительный, перешел в описания турецкого и персидского языков.

Создавались своеобразные эквиваленты исконных терминов. Например, термином *порода* именовались, как и сейчас именуется у нас, корневые и производные основы арабского глагола. Притом обычно вместо правил видоизменения звукового состава слов предлагались правила изменения их формы на письме. Исключениями были некоторые описания бесписьменных языков Кавказа, севера Европы, Сибири. Например, строгой методикой выделяются труды кавказоведа П. К. Услара (1816–1875).

Понимание языка как системы знаков появилось в XX в. благодаря Ф. де Соссюру (1857–1913), а в России – И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845–1929), предшественникам направления структурной лингвистики⁶². Идеи Фортунатова и Бодуэна развивали их ученики – В. А. Богородицкий (1857–1941), Л. В. Щерба (1880–1944) и другие ученые, не являвшиеся по основ-

⁵⁹ Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975. С. 201.

⁶⁰ Там же. С. 187.

⁶¹ Так, выдающийся филолог А. К. Казем-бек (1802–1870), автор грамматик татарского языка и первый декан Факультета восточных языков в Петербурге, «об общем языкознании не имел никакого понятия», называя «двугласными» те татарские гласные-монофонги, которые записывались двумя арабскими буквами. См.: Каменив Ю. А. Рукопись работы П. М. Мелиоранского «О грамматике... М. Казембека и арабском алфавите у тюрков» // Востоковедение / Отв. ред. В. Г. Гузев, О. Б. Фролова. Л., 1990. Вып. 16. Исследования по филологии и истории культуры. (цит. по рукописи, названной в заголовке).

⁶² О соотношении взглядов Соссюра и Бодуэна на системность в языке см.: Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1968. С. 118, след.

ной специальности востоковедами, хотя некоторые из них занимались тюркскими и финно-угорскими языками.

В первой половине XX в. наибольший вклад в развитие лингвистической теории на материале восточных языков внесли Е. Д. Поливанов (в основном японист, китаист и тюрколог, владевший глубокими познаниями во многих других языках, 1891–1938), А. А. Драгунов (китаист, 1900–1955), Н. Ф. Яковлев (кавказовед, 1892–1974) и Н. В. Юшманов (арабист, 1896–1946). В эмиграции работал крупнейший лингвист-теоретик Н. С. Трубецкой (1890–1938), начавший свои исследования по славянским и кавказским языкам в кругу идей Фортунатова в Москве. В его главный труд «Основы фонологии» (первое немецкое издание 1939 г., русское – 1960 г.) был включен большой материал восточных языков. Отдельные истолкования материала африканских языков предложил П. С. Кузнецов (1899–1968), один из создателей Московской фонологической школы, знавший санскрит и свободно говоривший на суахили, хотя по основной специальности русист. Синтаксическую типологию разрабатывал для данных языков Сибири, Кавказа и других И. И. Мещанинов (1883–1967, также исследователь памятников урартского языка) – ученик и преемник Н. Я. Марра, позже фактически отдалившийся от его учения⁶³.

Упомянутая выше работа по созданию письменности у малых народов СССР способствовала выяснению отношений между звуками речи и их передачей на письме, а также уточнению системы фонем в языках. Оригинальная работа Н. Ф. Яковлева, основанная на правилах определения фонемного состава языка, посвящена принципам разработки алфавита⁶⁴. Н. В. Юшмановым была впервые применена латиница в грамматике арабского языка, что в сочетании с очерком арабской фонетики дает более ясное представление о существующих в нем грамматических чередованиях фонем (включая также словообразование).

В теории языка остро стоит вопрос о том, какие единицы, категории и правила являются универсальными, свойственными всем языкам, а какие – обусловлены определенными системными характеристиками данного языка. В XX в. Бодуэном и другими теоретиками были введены понятия *морфемы* – минимальной единицы, наделенной значением, и *фонемы* – обобщенной единицы с функциями формирования звукового состава морфемы и различения разных морфем (в иной формулировке вместо морфемы говорилось о слове)⁶⁵. При этом одни лингвисты определяют морфему как часть слова, а другие – независимо от слова, признавая тем самым возможность одноморфемных слов.

В XX в. при описании фонетики восточных языков использовались концепции Ленинградской фонологической школы, восходящей к Бодуэну и Щербе, и Московской фонологической школы. Московская школа и Н. С. Трубецкой вводят особую единицу в качестве объединения автоматически чередующихся звуков, тогда как школа Щербы признает автоматическое чередование самостоятельных фонем. Сами же чередования принадлежат *морфофонологии* – дисциплине, в которой рассматривается фонологическая структура морфем и слов и их контекстно обусловленная вариативность. Одним из первых опытов сопоставления неродственных языков в области морфофонологии стала работа Н. В. Юшманова о чередованиях согласных в языках хауса, нивхском и картвельских⁶⁶.

⁶³ О названных ученых см.: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968 (биограф. статья А. А. Леонтьева, Л. И. Ройзензона, А. Д. Хаютина); *С. Е. Яхонтов.* А. А. Драгунов // Краткие сообщения ИВ АН. 1956, XVIII. С. 89–93; *Юшманов Н. В.* Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической филологии / Сост., предисл. А. Г. Беловой. М., 1998; *Язык и человек. Сб. статей памяти Петра Саввича Кузнецова (1899–1968).* М., 1970 (библиография, биограф. статья А. А. Реформатского); *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии М., 1987 (послел. Т. В. Гамкрелидзе и др.); *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: Библиографический словарь. 1–2. М., 2009; *Алтай В. М.* Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012.

⁶⁴ *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 1. М., 1928.

⁶⁵ Терминология конца XIX – начала XX в. отличалась от современной. Напр., Поливанов называл фонему *звукотпредставлением*, следуя своему учителю Бодуэну, говорившему о фонологии как о *психофонетике*.

⁶⁶ *Юшманов Н. В.* Указ. соч.

Для фонологии и морфонологии имели большое значение инструментальные методы исследования звукового строя. Они обогатили репертуар фактического материала общей фонетики, позволили уточнить и расширить классификацию звуков языка, намеченную еще в XIX в., разработать новый вариант общefonетической транскрипции. Развивалась историческая фонетика. С конца 1920-х гг. публиковались статьи А. А. Драгунова, в которых автор впервые применил метод реконструкции среднекитайской фонетики по некитайским записям, позже развивавшийся у нас и за рубежом⁶⁷.

С конца 1950-х гг. благодаря расширению контактов СССР с освободившимися от колониальной зависимости странами Азии и Африки значительно облегчился доступ востоковедов-лингвистов к живым языкам этих стран (см. выше об экспедициях, полевой работе). Одновременно росли контакты советского языкознания, включая востоковедное, с зарубежным, широко обсуждались учения структурализма, генеративно-трансформационной грамматики, типологии. Востоковеды активно участвовали в конференциях и дискуссиях, в коллективных сборниках и монографиях по теоретическим проблемам, что позволило расширить и углубить тематику исследований. Со своей стороны, теоретики-неспециалисты смогли воспользоваться множеством новых данных. Факты восточных языков все шире привлекаются в руководствах и учебных пособиях по общему языкознанию и типологии⁶⁸.

Понятие морфемы сохраняется поныне как универсальное, а универсальность фонемы поставлена под сомнение в связи с исследованиями языков Китая и Юго-Восточной Азии. Определению понятия фонемы в этих языках удовлетворяет единица не меньшая, чем целый слог. Этот факт подчеркивали в 1920–1940-х гг. главным образом Е. Д. Поливанов и А. А. Драгунов. В свою очередь, слог делится на *инициаль* – в типичном случае начальный согласный и на *финаль* – гласный и конечный согласный (в части слогов также предшествующий им полугласный), что соответствует «рифме» в китайской филологической традиции. Между инициальной и финалью может, как и между фонемами, проходить морфологическая граница. Таким образом, слог и его компоненты разделяют между собой свойства фонемы, но само понятие фонемы как особой единицы в этих языках с функциональной точки зрения оказывается излишним.

В дальнейшем эта концепция развивалась на вьетнамском, бирманском, китайском языковом материале. Было введено понятие фонологического нуля, т. е. отсутствия фонологической единицы в стандартной структуре слога (по аналогии с морфологическим нулем окончания во флективных языках)⁶⁹. Предложена типологическая классификация, различающая *фонемные* и *слоговые* языки, а также языки со смешанными свойствами⁷⁰.

Важный раздел фонологии – *просодика*, включающая изучение ударения (акцентология), тона и интонации. Тон – высотная характеристика слога, дополняющая его сегментный состав в функции различения значений (в отличие от ударения, характеризующего слово). Исследование просодики тональных языков (китайского, бирманского, вьетнамского, языков Западной Африки) особенно продвинулось с начала 1960-х гг. Было подчеркнуто различие между *регистровыми* и *контурными* тонами. Первые (без изменения высоты на протяжении слога) харак-

⁶⁷ Азиатский музей... С. 104.

⁶⁸ *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1960 (и др. издания); *Зин-дер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960 (и др. издания); *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975 (и др. издания); *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. М., 1965; *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1977; Введение в языкознание. 2-е изд. М.; СПб., 2011; *Ворошич С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982; *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. I–IV. М.; Вена, 1997–2001; *Плунгин В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000; 2-е изд., 2003; *Он же.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011; *Зубкова Л. Г.* Знак в системе языка. М., 2010.

⁶⁹ *Гордина М. В., Быстров И. С.* Фонетический строй вьетнамского языка. М., 1984; *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.

⁷⁰ *Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики...

терны для Западной Африки, вторые – для языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии⁷¹. Изучалось соотношение тональной системы с ударением и интонацией, функциональное значение атональных слогов⁷². О *музыкальном ударении* в японском языке еще в 1915 г. писал Е. Д. Поливанов, применив к этому языку понятие *моры*, известное из античной филологии. Мора может быть равна слогу (краткому) или части слога (долгого). Идея получила дальнейшее развитие в японоведении⁷³.

На общность функций ударения и тюркского *сингармонизма* впервые указал Бодуэн. Сингармонизм заключается, по общему правилу, в уподоблении суффиксов корню по определенным фонетическим признакам (ряд, лабиальность, подъем гласных, иногда также по признакам согласных) и тем самым в объединении морфем в границах слова⁷⁴. Функция и сингармонизма, и словесного ударения состоит в членении высказывания на интонационно-смысловые единицы – фонетические слова или ритмические группы слов.

Особого внимания заслуживает отношение между морфемой и слогом. В китайском и близких по строю языках существуют односложные единицы, не имеющие собственного значения вне известных сочетаний, но участвующие в грамматических правилах наряду с морфемами, наделенными значением. Подобные единицы должны включаться в грамматическое описание, а правила, действительные для единиц того и другого типа, значимых и незначимых, предполагают их объединение в общем понятии. Таким образом, в описание вводится особая единица – *слогоморфема (силлабоморфема)*, минимальная единица грамматической структуры (материально представленная однослогом). Соответственно выделяется особый тип или класс языков – *слогоморфемный*⁷⁵.

Уточнялась номенклатура аффиксальных морфем. В описание семитских языков было введено понятие составного прерывного аффикса, состоящего из гласных, – *трансфикса* (или, иначе, *диффикса*), вставляемого в корень слова⁷⁶. Такие вокалические аффиксы различают разные дериваты и словоизменительные формы от одного и того же консонантного корня (обычно состоящего из трех согласных).

Слово как грамматическая единица в разных языках может иметь различные формальные свойства, о чем писал еще Л. В. Щерба. Описание грамматического строя типа китайского сталкивается с проблемой различения слов и словосочетаний. Двусложные лексические единицы (именовавшиеся биномами у Поливанова) по значению, т. е. как словарные единицы, часто соответствуют словам европейских языков, но их структура обнаруживает различную степень связанности компонентов. Разработке критериев универсального определения слова – центральной единицы грамматики в европейской лингвистике – была посвящена коллективная работа лингвистов Восточного факультета СПбГУ (в 1970-х гг. – Ленинградского государственного университета)⁷⁷. В этой работе использовалась с определенными поправками и дополнениями квантитативная типология Дж. Гринберга. Для получения универсально значимых количественных индексов морфологической структуры были введены дополнительные критерии определения слова, агглютинации, суффиксации и пр. Одним из выводов стало положение о периферийном статусе слова в системе языков Дальнего Востока. Кроме того, по про-

⁷¹ Виноградов В. А. Тон // ЛЭС. М., 1990.

⁷² Румянцев М. К. Тон и интонация в современном китайском языке. М., 1972; Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.

⁷³ Рыбин В. В. Фонетика японского языка. СПб., 2011.

⁷⁴ Ср. о монгольском сингармонизме: Кузьменков Е. А. Фонологическая система современного монгольского языка. СПб., 2004.

⁷⁵ Быстров И. С., Неуен Тай Кан, Станкевич Н. В. Грамматика вьетнамского языка. Л., 1975; Касевич В. Б. Фонологические проблемы...

⁷⁶ Старшин В. П. Структура семитского слова. М., 1963.

⁷⁷ Квантитативная типология языков Азии и Африки / Отв. ред. В. Б. Касевич, С. Е. Яхонтов. Л., 1982. Продолжение этой работы: Грамматика и семантика восточного текста. Квантитативные характеристики / Отв. ред. В. Б. Касевич. СПб., 2011.

центному соотношению знаменательных и служебных морфем в тексте *грамматическим* языкам (арабский с максимумом служебных морфем) противостоят *лексические* (древнекитайский с максимумом знаменательных морфем), и есть языки, занимающие промежуточное положение⁷⁸.

На материале морфологии языков Африки ведется поиск общих значений грамматических показателей или даже субморфемных сегментов в согласии с теорией Р. Якобсона⁷⁹. Теория *вторичной репрезентации* (действия, представленного как предмет, и т. п.) разрабатывается на материале тюркской морфологии⁸⁰.

Проблемам лингвистической теории и типологии посвящен ряд тематических сборников Отдела языков академического Института востоковедения в Москве (одно время назывался Институтом народов Азии АН СССР). Внимание ученых привлекают языковые *универсалии* – обобщения внутрисистемных корреляций в языке (такие, например, как «средняя протяженность морфем в языке тем больше, чем меньше в нем инвентарь фонологических единиц»). Ряд универсалий предложен отечественными востоковедами⁸¹. Сходное направление – поиск доминант, или детерминант, определяющих многие, если не все свойства языковых систем⁸².

В области синтаксиса разрабатывалась в особенности на материале кавказских языков типология номинативного, эргативного и активного строя. Для эргативных языков предлагаются семантические (ролевые) обозначения: *Агентив* – для субъекта действия переходного глагола и *Фактивив* – для объекта действия переходного глагола и формально объединенного с ним субъекта действия и состояния непереходного глагола. Этим эргативные языки отличаются от языков номинативных (иначе – аккумулятивных), где формально объединены *Агент* (субъект действия переходного глагола) и субъект действия непереходного глагола (этот субъект терминологически обозначается по-разному) в отличие от *Пациенса* – объекта действия⁸³. На материале арабского языка исследовались формально-смысловые отношения между исходными и производными глагольными конструкциями⁸⁴. Особая типологическая школа представлена исследованиями полипредикативных конструкций (сложных и сходных с ними предложений) в тюркских, палеоазиатских и других языках Сибири⁸⁵.

А. А. Драгунов предложил новую классификацию частей речи в китайском языке по признакам синтаксической сочетаемости, которые играют для изолирующих языков первостепенную роль ввиду отсутствия словоизменения. Глагол и прилагательное объединяются в китайском языке в класс (иначе – категорию) *предикатива*, в отличие от европейских, тюркских и других языков, где прилагательное близко к существительному. Термин *предикатив* в этом понимании в дальнейшем стал использоваться в некоторых описаниях языков Юго-Восточной Азии⁸⁶. Кроме того, по сочетаемости для языков Дальнего Востока существенна более дробная, чем в европейских языках, классификация лексики. Для них характерно также совмеще-

⁷⁸ Зубкова Л. Г. Указ. соч. С. 121–122.

⁷⁹ Поздняков К. И. Сравнительная грамматика атлантических языков. Именные классы и фоно-морфология. М., 1993; Желтов А. Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб., 2008.

⁸⁰ Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. Л., 1987; То же. Глагол. Л., 1990.

⁸¹ Морфема и проблемы типологии / Отв. ред. И. Ф. Вардуль. М., 1981; Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения / Отв. ред. В. М. Солнцев. М., 1984; Языковые универсалии и лингвистическая типология / Отв. ред. И. Ф. Вардуль. М., 1969 (в конце книги приведен перечень универсалий). См. также статью об универсалиях в ЛЭС.

⁸² Мельников Г. П. Системная типология языков. М., 2001. Для одного языка может предлагаться несколько независимых доминант, см. Алиева Н. Ф. Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Поссесивность. М., 1998.

⁸³ Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973; Он же. Типология языков активного строя. М., 1977; Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. М., 2003.

⁸⁴ Храковский В. С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973.

⁸⁵ Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

⁸⁶ Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирж Ю. Х. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.

ние знаменательных и служебных значений и синтаксических функций⁸⁷. В отличие от этого в филиппинских языках со сложной аффиксацией отмечается относительно слабое формальное разграничение частей речи⁸⁸.

Х. М. Зарбалиев исследовал типологию числительных по признакам применяемой системы счисления (децимальная, вигезимальная и др.), применения правил арифметики в названиях чисел, количества используемых разрядов и т. д.⁸⁹

А. А. Холодович (1906–1977), по специальности японист и корейст, в 1961 г. основал нынешнюю Лабораторию типологического изучения языков (ЛТИЯ) Института лингвистических исследований РАН (в то время – Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР), поставив перед ней задачу сопоставительно-типологического исследования категорий глагола, связанных с синтаксисом⁹⁰. Одним из принципов такого исследования является четкое различие семантических (смысловых, ролевых) и синтаксических (членов предложения) единиц. Соответствие между теми и другими, именуемое *диатезой*, вошло в широкий обиход отечественной лингвистики. Структура предложения признается вербоцентрической, с направлением синтаксической зависимости от глагола-сказуемого к актантам, т. е. не только к дополнениям, но и к подлежащему, в согласии с общеграмматической концепцией Л. Теньера. В исследовательской работе используются исчисляющие классификации логически возможных способов выражения данной категории и типологические анкеты.

Коллектив ЛТИЯ, ядро Ленинградской/Петербургской типологической школы, под руководством сначала А. А. Холодовича, а с 1970-х гг. – В. С. Храковского (арабиста по полученному образованию) выполнил при участии российских и иностранных специалистов ряд исследований по сопоставлению каузативных, пассивных, возвратных, взаимных конструкций, конструкций с предикатным актантом (модальные, фазовые и др.), императивных, итеративных, условных, уступительных, таксисных. Каждая из соответствующих коллективных монографий включает теоретическую часть и описания исследуемой категории на материале порядка пятнадцати—двадцати языков. Эти описания построены по единому плану, что облегчает межъязыковое сопоставление.

В результате сопоставления на основании избранных различительных признаков выделяются типологические классы языков. Например, при изучении повелительных предложений оказывается, что языки различаются по признакам спряжения: глагол спрягается по лицам и числам только в императиве (монгольский, японский и др.), либо также в других наклонениях (армянский, немецкий и др.) Есть языки, в которых очень употребительны повелительные предложения пассивной конструкции (тагальский, яванский)⁹¹. В выражении категории таксиса (одновременности и следования действий) выделяются языки, в которых главным способом выражения этой категории служит сложноподчиненное предложение, и языки, где таксис выражается в структуре осложненного предложения (с помощью деепричастий и т. п.)⁹². Коллективная монография может включать также раздел, содержащий альтернативные теоретические подходы и обобщения. Самая большая такая монография, посвященная реципрокальным (взаимным) конструкциям на материале более сорока языков, издана по-английски В.

⁸⁷ Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993; Еловков Д. И. Структура кхмерского языка. СПб., 2006.

⁸⁸ Шкарбан Л. И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.

⁸⁹ Зарбалиев Х. М. Типология числительных и числовых конструкций. Баку, 1997.

⁹⁰ Холодович А. А. Проблемы грамматической теории / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1979; Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов / Редкол. С. Ю. Дмитренко и др. СПб., 2011 (и указанные там работы).

⁹¹ Типология императивных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1992. (Есть и другие различия языков в морфологии, синтаксисе и семантике императива.)

⁹² Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М., 2009.

П. Недялковым (1928–2009), исследователем немецкого, чукотского, нивхского, грузинского и других языков⁹³.

Типологические обобщения используются в современных работах по истории языков, в описаниях их ранних зафиксированных на письме состояний, в реконструкциях праязыков различных уровней по компаративным данным⁹⁴.

Приведенный краткий, далеко не полный обзор показывает, что российские лингвисты-востоковеды не только развивают концепции, известные по фактам русского и других европейских языков, но и вводят определенные концептуальные новации, обобщающие их собственные результаты⁹⁵.

А. К. Оглоблин

⁹³ Nedjalkov V. P., with assist. E. Š. Geniušene, Z. Guenchéva (eds). Reciprocal constructions. Vol. I–V. Amsterdam etc.: John Benjamins, 2007.

⁹⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Указ. соч.; Яхонтов С. Е. Общие тенденции развития синитических языков // Страны и народы Востока. Вып. XI. М., 1971; Зограф Г. А. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976; Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы / Редкол.: Н. З. Гаджиева и др. М., 1982; Кешинг К. Б. Тангутский язык. Морфология. М., 1985; Янсон Р. А. Вопросы фонологии древнебирманского языка. М., 1990; Гохман В. И. Историческая фонетика тайских языков. М., 1992; Сирк Ю. Х. Австронезийские языки: Введение в сравнительно-историческое изучение / Отв. ред. Ю. А. Ландер. М., 2008; Оглоблин А. К. Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. 2-е изд. М., 2009; Крылов Ю. Ю. Фонология и морфонология монского языка. СПб., 2009 (глава 1 посвящена диахронии).

⁹⁵ Автор настоящей публикации благодарит А. Ю. Желтова за полезные замечания.

Востоковедение и лингвистика

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятие «востоковедная лингвистика» давно утвердилось в языковедческой литературе. Чаще всего оно трактуется достаточно прямолинейно – как изучение языков Востока, т. е. прежде всего Азии и Африки. В то же время неоднократно отмечалось, что названная сфера языкознания очень важна для общей теории языка, так как при исследовании языков Азии и Африки возникают теоретические проблемы, не высвечивающиеся в той же мере при анализе более традиционного языкового материала. Неслучайно многие крупные востоковеды-лингвисты были одновременно столь же крупными специалистами в области общего языкознания (Е. Д. Поливанов, Н. Ф. Яковлев, А. А. Холодович и др.). Л. В. Щерба, не будучи востоковедом, признавал чрезвычайно большую роль «экзотических» языков для разработки общей теории, например, слова⁹⁶.

Со своей стороны, востоковеды всегда уделяли большое внимание языкам – как «восточным», так и «западным». Определения «восточные» и «западные» заключены здесь в кавычки, поскольку имеются в виду не географические, а историко-культурные характеристики⁹⁷; далее для простоты мы будем использовать соответствующие определения без кавычек. Роль западных и восточных языков в научной деятельности востоковеда существенно различна. Западные языки для востоковеда – это орудия, которые дают возможность пользоваться трудами по проблемам востоковедения, принадлежащими западным авторам. Восточные языки играют ту же роль только в применении к трудам восточных авторов: например, китаист-историк, безусловно, должен использовать в своей работе труды по истории, написанные на китайском языке. Наряду с этим тексты на восточных языках дают в распоряжение востоковедов ничем незаменимый материал для проникновения в культуру соответствующих стран, этносов, и прежде всего в духовную культуру. Это не только материал для научных исследований, но и средство вживания в восточный духовный мир, без чего не может быть настоящего востоковеда. В словаре и грамматике каждого языка закодирована специфическая **картина мира** соответствующего этнокультурного сообщества; иначе говоря, анализ словаря и грамматики, помимо моделирования основного орудия коммуникации – языка, дает исследователю доступ к пониманию типа ментальности сообщества, говорящего на данном языке.

Чтобы поддерживать абсолютно необходимую традицию систематического обращения к языку, к текстам, востоковедение должно располагать специалистами по данным языкам – лингвистами, которые создают грамматики и словари восточных языков. Здесь возникает вопрос: есть ли основания говорить о специфике востоковедной лингвистики? Или же профессиональному лингвисту все равно, что описывать – грамматику французского языка или языка суахили?

Обратимся к истории вопроса. Очевидно, что для создания грамматик и словарей любого языка лингвист должен ориентироваться на категории общего языкознания; невозможно представить себе грамматическое и/или лексикографическое описание какого бы то ни было языка, которое было бы абсолютно идиосинкратичным, не соотносящимся с описаниями других языков. Нельзя в то же время не осознавать, что общее языкознание, сложившееся к нашему времени, есть продукт исторического развития. Истоки же его следует искать в разработке тео-

⁹⁶ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 44, прим. 4.

⁹⁷ Семантика и грамматика восточного текста: квантитативные характеристики / Под ред. В. Б. Касевича. СПб., 2011; Введение в востоковедение: Общий курс / Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011.

рии классических языков – латинского и древнегреческого, в дальнейшем и послужившими основными моделями, ориентирами для лингвистов, имеющих дело с восточными языками. Позднее роль латинского и древнегреческого приобрели также языки колониальных держав (английский, французский, немецкий, испанский, португальский). Эти языки были родными для христианских миссионеров, которые и выступали чаще всего авторами первых грамматик и словарей для языков Азии и Африки, что закрепилось даже в специальном термине подобных трудов – «миссионерские грамматики». Можно сказать, что в разработке миссионерских грамматик роль общего языкознания фактически играли модели описания привилегированных языков (латинского и др.).

Миссионерские грамматики, скроенные по лекалам классических или современных романо-германских языков, в достаточно типичном случае вносили в описание то, чего реально нет в соответствующих восточных языках. Например, усматривали звательный падеж в сочетании апеллятивной частицы с именем и, наоборот, проходили мимо принципиально важного для грамматики или лексикографии данного восточного языка, не замечая такой значительной языковой единицы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, как слогоморфема (см. об этом ниже). Конечно, к настоящему времени общее языкознание далеко ушло от миссионерского подхода; развитие типологии помогло осознать, что далеко не все привычные индоевропейские категории вполне приложимы к восточным языкам. И все-таки опасность искажения грамматической картины восточного языкознания под влиянием (иногда неосознаваемым) привычных парадигм до сих пор остается.

Подытоживая этот небольшой экскурс в область становления общелингвистических категорий и их роли в описании восточных языков, мы приходим к достаточно тривиальному выводу. С одной стороны, никакие два языка не являются тождественными во всех отношениях – иначе они просто лишились бы статуса *разных* языков. С другой стороны, никакие два языка не являются разными во всех отношениях – иначе, по крайней мере, один из них лишился бы статуса *языка* как такового. Речь может идти лишь о степени структурных схождений/расхождений между языками. Специфичность/неспецифичность восточных языков по отношению к «невосточным» не может провозглашаться априорным постулатом, это вопрос эмпирический: необходимо определить круг восточных языков и попытаться установить, существуют ли грамматические и/или лексикографические характеристики у всех или части восточных языков, которые за пределами таковых не встречались бы.

Какие же языки принадлежат к восточным? Ответ может носить лишь откровенно таутологический характер: восточные языки – это языки, на которых говорят этнические сообщества Востока. В свою очередь, ответ на вопрос о принадлежности этнических сообществ к восточным следует искать за пределами лингвистики – в общей теории востоковедения. Здесь предлагается считать, что определяющий признак, отграничивающий восточные сообщества от западных, содержится в ведущей роли *традиционализма* при рассмотрении и решении основных социальных и культурных проблем, с которыми сталкиваются соответствующие общества⁹⁸. Особая роль традиционализма характерна для самых разных ареалов Востока: Ближнего Востока, Дальнего, Южной Азии, Африки и др., несмотря на яркие различия между ними в ряде других отношений.

Ниже, исходя из условного выделения восточных языков, кратко рассматриваются определенные языковые характеристики, присущие восточным языкам и практически не встречающиеся за пределами их круга. Такие характеристики для удобства изложения будут рассматриваться применительно к разным уровням и компонентам языка и речевой деятельности – фонологии, морфологии, синтаксиса, словаря.

⁹⁸ Подробнее см.: Введение в востоковедение. Общий курс / Под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011.

1. ФОНОЛОГИЯ И МОРФОНОЛОГИЯ

1.1. Только среди восточных языков представлены языки *слоговые* (*силлабемные*). Это прежде всего языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Слоговые языки выделяются особой ролью слога в их фонологии и морфонологии. В неслоговых (фонемных) языках имеется только **один** класс фонологических единиц, в терминах которых описываются экспоненты морфем – единиц более высокого уровня – класс фонем. В отличие от этого, в силлабемных языках есть **два** класса фонологических единиц такого рода: слоги и их «непосредственно составляющие» – инициали и финали.

Фонемы фонемных языков совмещают минимальность с точки зрения сегментации (в процессе функциональной сегментации мы доходим до фонем и дальше идти не можем) и минимальность с точки зрения конститутивности (одна фонема – необходимый и достаточный минимум для формирования экспонента морфемы). В отличие от этого в слоговых языках такие функции распределены между слогами, с одной стороны, и инициалями-финалями – с другой. Слоги (силлабемы) обладают минимальностью с точки зрения конститутивности (асиллабические, т. е. короче слога, морфемы здесь запрещены), а инициали-финали – минимальностью с точки зрения сегментации (предел, которого достигает функциональная сегментация, принимающая во внимание морфологизованные чередования и подобные процессы, позволяющие провести границу между начальным согласным, реже кластером, и остальной частью слога, взятой как целое, т. е. финалью).

В слоговых языках используется *иная фонологическая логика*, нежели в неслоговых. В исторической фонетике индоевропейских языков рядом исследователей выдвинуты гипотезы, согласно которым праиндоевропейский язык также был слоговым⁹⁹.

Исходя из сказанного выше, структура слога в фонемных языках может быть графически представлена схемой на рис. 1, а структура слога в силлабемных языках – схемой на рис. 2 (в качестве иллюстрации фигурируют русский слог *пйан* и бирманский *пйан*).

⁹⁹ См. об этом: *Касевич В. Б.* Труды по языкознанию. Т. 1. СПб., 2006.

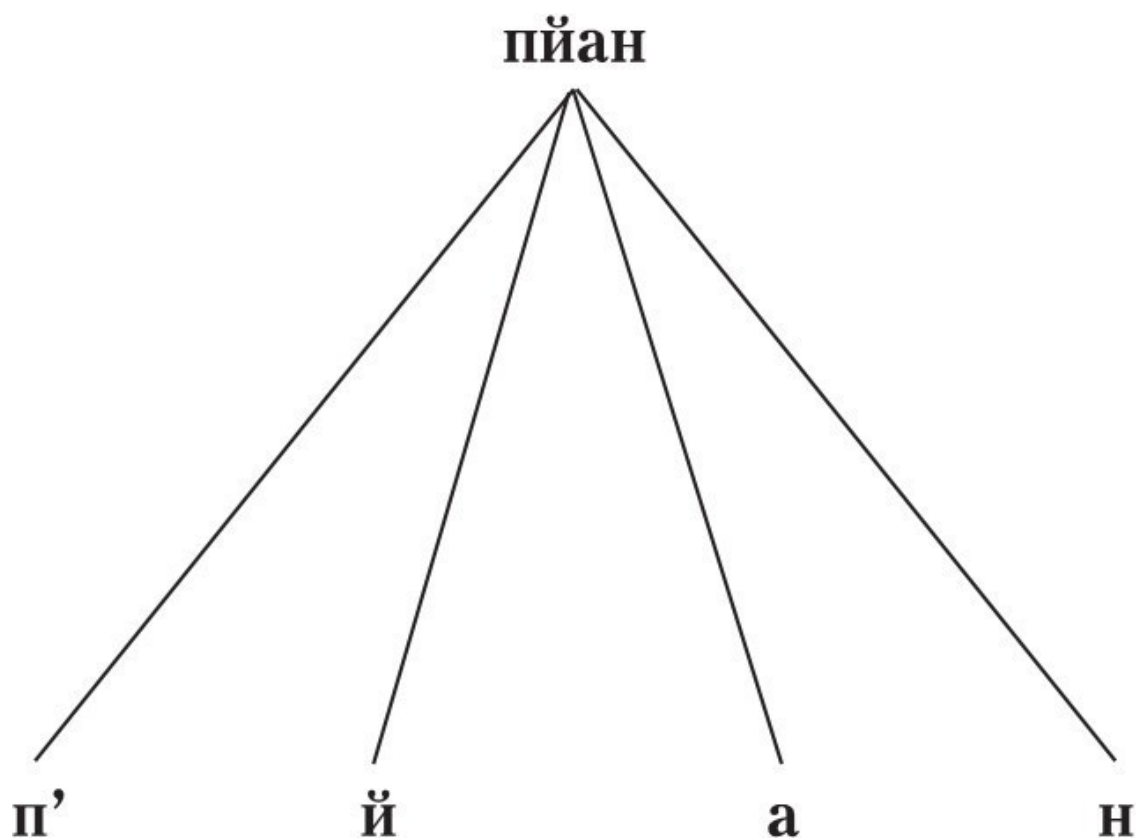

Рис. 1. Структура слога *п'ян* (рус. яз.)

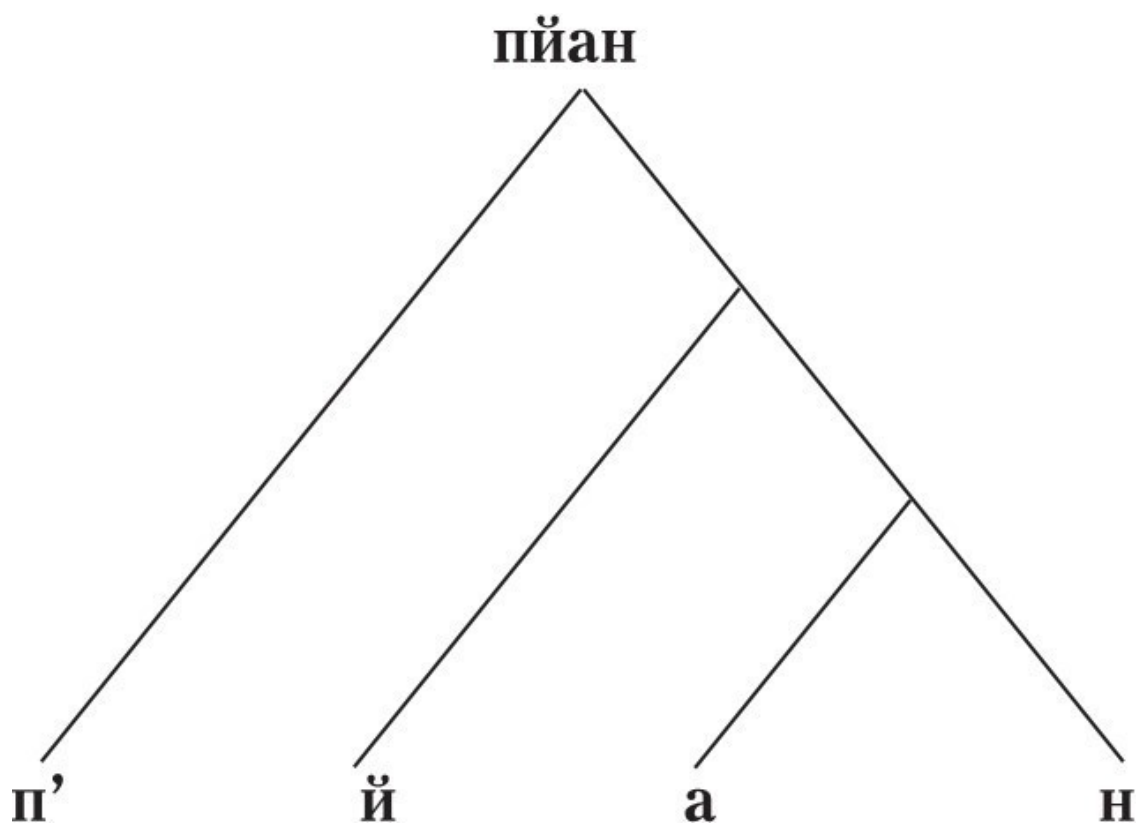

Рис. 2. Структура слога *п'ян* (бирм. яз.)

1.2. Абсолютное большинство силлабемных языков являются *тональными*. Это означает, что каждый слог в таком языке, помимо состава в терминах гласных и согласных (точнее, инициалей и финалей), обладает просодической характеристикой – *тоном*. Без тона в тональном языке нет слога; замена тона столь же существенна для слога, сколь и замена гласного и согласного, ср.: бирм. *поу*¹ ‘посылать’, *поу*² ‘превосходить, быть больше’, *поу*³ ‘вредитель’, *по*⁴ ‘гнить’ (надстрочными цифрами обозначены тоны в их традиционной нумерации: краткий падающий, ровный, восходяще-нисходящий, краткий смычно-гортанный соответственно).

Как отчасти видно из приведенных бирманских примеров, один тон в данном языке отличается от другого регистром (относительной высотой частоты основного тона голоса: высокие тоны, низкие) или направлением (ровные тоны, восходящие тоны, нисходящие и т. п.) или тем и другим. В тональной системе всегда наличествует, по крайней мере, один ровный тон. В каждом тональном языке имеется замкнутая система противопоставленных тонов. Тоны могут различать грамматические (в большей степени это представлено в языках Африки, особенно Западной) и лексические (см. бирманские примеры выше) значения.

За пределами восточных языков тональные системы неизвестны. Встречающиеся в литературе высказывания относительно тонов (слоговых акцентов, слоговых интонаций) в языках типа шведского, норвежского, словенского, панджаби и др. некорректны. Применительно к этим языкам следует говорить о *полиакцентном ударении*: две (редко – более, как в панджаби) противопоставленные фонологические характеристики (высота и т. п.) выделяют **один** из слогов слова, на основании признаков такого (ударного) слога можно установить просодический (акцентный) контур слова, при том что в подлинных тональных языках тон выделяет **каждый** слог. Зная тональные признаки данного слога, предсказать признаки других слогов слова (т. е. установить его просодический контур) невозможно. Можно сказать, что восточные языки не любят ударения – вместо ударения здесь представлены либо тон, либо *сингармонизм*.

1.3. Распространение такой фонологической (вернее морфонологической) характеристики, как сингармонизм, имеет свои особенности. Сингармонизм в разных его проявлениях известен и в восточных (тюркских, прежде всего), и в западных (прежде всего, финно-угорских) языках. Особые типы сингармонизма (по назальности, подъему гласных и др.) представлены, например, в индейских языках (гуарани, кечуа и др.), а в корейском, по-видимому, нет ни ударения, ни тона, ни развитого сингармонизма.

Таким образом, сингармонизм *типичен* для восточных языков, но не исключителен, встречаясь также в языках западных. Можно сказать, что сингармонистические языки образуют область пересечения восточных и западных языков (см. также ниже).

2. МОРФОЛОГИЯ

2.1. С точки зрения морфологической типологии абсолютное большинство восточных языков является агглютинативными или изолирующими. Изолирующие, похоже, не используются за пределами восточных языков. Агглютинативные, в отличие от этого, достаточно широко представлены и среди западных. Как мы уже видели на примере сингармонизма, который, заметим, самым тесным образом связан с агглютинацией, агглютинативные языки образуют своего рода область логического пересечения между западными и восточными языками. Стоит заметить, что граница между изоляцией и агглютинацией может проходить внутри языка; так, в бирманском языке грамматика имени носит последовательно изолирующий характер, а грамматика глагола – преимущественно агглютинативный.

Там, где восточные языки в области морфологии обнаруживают флективный строй (что особенно характерно для афразийских языков), это по преимуществу «не та» флексия, к которой лингвисты привыкли на примере русского, литовского или латинского: значительная

часть морфологического инструментария здесь представлена так называемыми трансфиксами, вообще не встречающимися за пределами семитских языков.

По-видимому, наименее специфична морфология индоарийских, дравидийских и иранских языков. Они носят по преимуществу *аналитический* характер, приближаясь в этом отношении к таким западным языкам, как английский. Аналитизм (в этом значении термина) предполагает широкое употребление служебных слов (аналитических показателей) наряду с агглютинативными показателями, глагольными и иными, плюс пережиточная флексия (обычно достаточно частотная).

2.2. Для всех восточных языков, изолирующих и агглютинативных, *слово* обнаруживает достаточно неопределенную структуру, его отграниченность от словосочетания во многом условна. Это объясняется тем, прежде всего, что, принимая грамматические формы, слово восточного языка не столько изменяется, сколько меняет свое окружение, представленное служебными (аналитическими) показателями или агглютинативными «квазиаффиксами», слабо связанными с корнем (основой).

На уровне слова максимальной степени специфичности достигают изолирующие языки, применительно к которым возникают основания говорить об особой, притом базовой единице языка – *слогоморфеме*. Типичная односложность лексических единиц в этих языках приводит к тенденции функционального приравнивания слога и морфемы (односложного слова). В результате любой однослог, вне зависимости от того, является ли он экспонентом значимой единицы, приобретает грамматические свойства, типичные для значимых единиц: присоединяет аффиксы, участвует в процессах грамматической редупликации и даже в качестве «квазиглагола» управляет дополнениями. Например, в каренском (восточном сго) слове *моули* (тональная диакритика опущена) оба незначимых слога в экспоненте лексической единицы, которая имеет значение ‘дети’, могут принимать определения в виде местоименной проклитики, ср.: *ймоуили* ‘мои дети’.

В слогоморфемных языках слово оказывается частным случаем сочетания слогоморфем – таким, которое характеризуется наиболее тесной грамматической связью между компонентами-слогоморфемами.

2.3. Для языков этого типа характерна ситуация, когда в тексте основной структурной единицей выступает *бином* – двусложное слово или двусложная же словоподобная единица. Некоторые подсчеты показывают, что двусложные слова типичны и для многих других языков, но если мы хотим определить словесную структуру, которая статистически доминирует в тексте (покрывает 50 % текста и более), то для изолирующих языков нужно к числу двусложных слов прибавить односложные, а для других языков (агглютинативных, флективных) – трехсложные¹⁰⁰.

2.4. Именно для восточных языков характерны особые конструкции, изменяющие ранг синтаксических соответствий семантических ролей (Агенса и Пациенса): эргативные, аккумулятивные, антипассивные и некоторые другие конструкции. В эргативных конструкциях с переходными глаголами для выражения соответствия Агенсу существует особый падеж – эргативный (или его аналитический аналог). В аккумулятивных конструкциях используется пассив, основным содержанием которого можно считать понижение в ранге слова, отвечающего Агенсу. В антипассивных конструкциях, наоборот, уходит в тень Пациенс, на что указывает понижение синтаксического ранга соответствующего актанта (члена предложения).

Также типично именно для восточных языков использование морфологического каузатива. При переходе от некаузативной конструкции к каузативной валентность глагола повышается на единицу, а в семантической структуре предложения появляется ситуация с семантикой побуждения, воздействия и т. п. Можно сказать, что в каузативных языках все отображае-

¹⁰⁰ Семантика и грамматика восточного текста: квантитативные характеристики / Под ред. В. Б. Касевича. СПб., 2011.

мые языком ситуации делятся на самопроизвольные (без использования в глаголе каузативного показателя) и зависимые (с каузативным показателем).

3. СИНТАКСИС

3.1. Восточные языки резко выделяются так называемой *факультативностью* грамматических показателей, что особенно ярко проявляется в синтаксисе. Факультативность означает, что показатели подлежащего, дополнения и ряд других могут устраняться из грамматической структуры предложения без видимых последствий для его синтаксиса и семантики. На возможность опущения грамматических показателей в разных языках налагаются различные ограничения, но применительно ко многим восточным языкам, агглютинативным и изолирующим, принципиальную возможность опущения грамматических показателей едва ли можно подвергнуть сомнению. Сам по себе факт факультативности чрезвычайно важен с общетеоретической точки зрения: согласно многим авторам, грамматические единицы отличаются от лексических именно обязательностью (ср. невозможность неупотребления временных, видовых и иных показателей в финитных формах русского глагола).

3.2. Во многих восточных языках, что для западных языков нетипично, отсутствует четкая грань между простым и сложным предложением. Проявляется это свойство двояко. В одних случаях для введения одного предложения в состав другого используется та же грамматическая техника, что и для соответствующих слов и словосочетаний – членов предложения: т. е. используются падежные аффиксы и «квазиаффиксы». В связи с этим некоторые специалисты по японской, например, грамматике говорят даже о «склонении предложений». В других случаях место придаточных предложений в системе занимают разнообразные причастные и деепричастные обороты.

4. СЕМАНТИКА И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

4.1. В предыдущих разделах мы уже видели особенности восточных языков в области морфологической и синтаксической семантики. Специфику можно найти и в словарной семантике. В частности, наблюдается склонность к сложным разветвленным классификациям имен. В языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии такая классификация обнаруживается в ситуации точного счета. Например, в бирманском языке нет прямого соответствия русским конструкциям типа *три карандаша*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.